

**Международная Научно-Исследовательская Федерация
«Общественная наука»**

Научные тенденции: Юриспруденция

Сборник научных трудов

**по материалам
VI международной научной конференции**

20 июня 2017 г.

LJOURNAL.RU

Москва 2017

УДК 001.1
ББК 60

НЗ4

Научный диалог: Юриспруденция. Сборник научных трудов, по материалам VI международной научно-практической конференции 20 июня 2017 г. Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2017. - 44с.

SPLN 001-000001-0157-JP
DOI 10.18411/spc-20-06-2017
IDSP 000001:spc-20-06-2017

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на VI международную научно-практическую конференцию **Научный диалог: Юриспруденция**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МНИФ «Общественная наука». Сайт центра: conf.sciencepublic.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0157-JP

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном законодательстве России	4
Вердиева Д., Мирзаев М.А. Безопасность и мир на Северном Кавказе стимул в развитии института местного самоуправления	6
Глазунов Н.В. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ	8
Денисова М.А. Проблемные вопросы взыскания алиментов с должников, находящихся на территории Российской Федерации и иностранных государств	13
Кушниренко А.Ф. Актуальные вопросы использования криминалистических методов в гражданском и арбитражном процессах..	17
Логвинова Е.В. История становления и развития института принудительного исполнения в СССР	27
Николаев А.Г., Пестов Н.Н. О мерах по противодействию распространению в сети «интернет» запрещенной информации	31
Осипов И.В. Возможность эффективной защиты экономических интересов как фактор социальной обусловленности уголовно-правовых мер воздействия в сфере экономической деятельности.....	36
Самойлюк Н.В. К вопросу о юридическом анализе нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.....	38
Шайрян Г.П. Священность царской власти российского монарха как правовая категория.....	41

Богданов А.В.

Административная преюдиция в уголовном законодательстве России

Академия управления МВД России

doi:10.18411/spc-20-06-2017-01

idsp: 000001:spc-20-06-2017-01

Несмотря на отсутствие в действующем Уголовном Кодексе РФ специальной правовой нормы, дающей понятие административной преюдиции, в большинстве случаев под ней понимается наступление уголовной ответственности за повторно совершенное деяние, содержащее признаки административного правонарушения, когда виновное лицо, на момент его совершения, считается подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

Изложенная выше позиция толкования административной преюдиции в уголовном праве соответствует её определению, указанному в послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации [2].

Вместе с тем, заслуживает внимания научная позиция о наличии административной преюдиции в отдельных статьях Общей части УК РФ, которая противоречит указанному выше определению административной преюдиции, существенно расширяя область её применения.

Так, по мнению А.Г. Безверхова, согласно ч.3 ст.74 УК РФ, если условно осужденный в течение испытательного срока систематически нарушал общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности, суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, может вынести решение об отмене осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда. В соответствии с ч.7 ст.79 УК РФ, если в течение оставшейся не отбытой части наказания, осужденный совершил нарушение общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание, суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, может постановить отмену условно-досрочного освобождения и отбывание оставшейся части наказания [3]. Колосова В.И. также считает, что ч.2 и 3 ст.74 УК РФ содержат скрытую административную преюдицию[4]. Мнение о наличии административной преюдиции в указанных выше статьях Общей части УК РФ поддерживается некоторыми другими учеными, о чем свидетельствуют ссылки на него в ряде научных работ [5].

В действующий УК РФ, по состоянию на 12.06.2017 года, указанные А.Г. Безверховым, В.И. Колосовой правовые нормы изложены в несколько иной редакции, однако по своей сути вопрос об их отнесении к уголовно-правовому институту административной преюдиции, изложенный А.Г. Безверховым, В.И. Колосовой, своей актуальности в настоящее время не потерял и носит дискуссионный характер.

Исходя из изложенного выше определения сущности административной преюдиции следует, что за повторное совершение лицом деяния, содержащего в составе преступления признаки административного правонарушения, оно привлекается только к уголовной ответственности. При этом обязательным условием наступления уголовной ответственности является то, что на момент его совершения, лицо должно считаться подвергнутым административному наказанию за аналогичные деяния.

То есть, за повторное деяние, содержащее в составе преступления признаки административного правонарушения, лицо наряду с уголовной ответственностью не несет административную ответственность, что было бы грубейшим нарушением принципа справедливости, а именно "non bis in idem"- не дважды за одно.

В случаях, предусмотренных диспозициями ч.2, 3 ст.74, п. «а» ч.7 ст.79 УК РФ лицо, совершившее административное правонарушение, привлекается к административной ответственности на общих основаниях.

Неблагоприятные последствия уголовно-правового характера, которые претерпевает в данных случаях лицо, а именно продление срока условного осуждения или отмена условного осуждения и исполнение наказания либо отмена условно-досрочного освобождения и отбывание оставшейся части наказания, нельзя считать самостоятельной уголовной ответственностью и новым наказанием, предопределенными фактом совершения деяния, содержащего признаки административного правонарушения, что также являлось бы грубейшим нарушением принципа справедливости, а именно "non bis in idem"- не дважды за одно, так как в обоих случаях лицо является осужденным и наказание ему уже вынесено, меняется лишь порядок и форма его исполнения.

По мнению А.В. Козлова наличие ч.2,3 ст.74 в УК РФ, во-первых свидетельствует о том, что административные правонарушения имеют уголовно-правовое значение не только в разрезе административно-правовой преюдиции. Во-вторых, законодатель тем самым фактически признает влияние административного правонарушения на повышение общественной опасности личности преступника [6]. Изложенное мнение подтверждает рассуждения автора.

Таким образом, автор приходит к выводу, что в рассматриваемых случаях факты совершения лицом административных правонарушений, свидетельствуют об общественной опасности его личности, в связи с чем влияют на порядок и форму исполнения ранее назначенного судом наказания, а именно являются основаниями для продления срока условного осуждения или отмены вынесенного ранее решения суда об условном осуждении либо от условно-досрочном освобождении с отбыванием ранее назначенного наказания и не влекут самостоятельной уголовной ответственности и нового наказания за их совершение, выходящего за пределы назначенного ранее судом.

Изложенное выше, ставит под сомнение отнесение правовых норм, предусмотренных ч.2, 3 ст.74, п. «а» ч.7 ст.79 УК РФ к уголовно-правовому институту административной преюдиции, что указывает на наличие административной преюдиции только в статьях Особой части действующего УК РФ.

Вместе с тем, нельзя ни согласиться с мнением И.В. Осипова, в части того, что законодательное определение значение термина, разъяснило бы его смысл, что повысило бы эффективность правоприменения, так как законодательная неопределенностью затрудняет его толкование судебными органами, а также доктринальные толкования [7].

Таким образом возникает необходимость законодательной регламентации административной преюдиции в действующем УК РФ.

Автор предлагает для рассмотрения следующие выводы:

1. Административная преюдиция представляет собой теоретическое положение о возможности наступления уголовной ответственности за повторно совершенное деяние, содержащее признаки административного правонарушения, в случае если виновное лицо, на момент его совершения, считается подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

3. В целях совершенствования системы уголовного законодательства необходимо включить в УК РФ специальную правовую норму, содержащую понятие административной преюдиции.

1. Кузнецова Н.Ф. Пути гуманизации уголовного законодательства России // законодательство. №7. С.51-59; Малков В.П. Административная и дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2008. №2. С.195-198; Мустафаев Ч.Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве:

- автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1986; Тарбагаев А.Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. №2. С. 62-68; Овечкина Е.Н. Возвращение к административной преюдиции: «за» и «против» // Закон и право. 2008. №2. С.52-53.
2. См.: Рос. Газ. 2009. 13 нояб.
 3. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовном законодательстве России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 49.
 4. Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступления и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. N 5(1). С. 246- 254.
 5. М.А. Лапина, Ю.В. Трунцевский, Д.В. Карпукхин. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2015. № 2. С.24-56.
 6. Козлов А.В. О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России//Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. Хабаровск: Изд-во Дальневост. юрид. ин-та. 2012. № 1 (22). С.42-50.
 7. Осипов И.В. Актуальные вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности по признакам ущерба, дохода и размера // Сборник статей по материалам V международной научно-практической конференции «Научные тенденции. Юриспруденция». Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука». М. 2017 г. С.23-26.

Вердиева Д., Мирзаев М.А.

Безопасность и мир на Северном Кавказе стимул в развитии института местного самоуправления

*ДГУ
Россия, Махачкала*

doi:10.18411/spc-20-06-2017-02

idsp: 000001:spc-20-06-2017-02

Аннотация

В публикации изложены некоторые факторы отрицательно влияющие на развитии института местного самоуправления на Северном Кавказе.

Ключевые слова: стабильность, факторы, регион, Северный Кавказ, Дагестан, община, тухум, Ставропольский край, Северная Осетия, элита, народная демократия.

Abstract

In this publication sets out some of the factors affecting the development of the institution of local self-government VNA North Caucasus.

Keywords: stability, factors, the North Caucasus region, Dagestan, community, tukhum, Stavropol, North Ossetia, elite, people's democracy.

Стабильность и мир - главные факторы регионального развития и местного самоуправления на современном этапе. Политическая ситуация на Северном Кавказе беспокоит здоровые силы российских, так и стран мира. Но реалии жизни диктуют, что вопросы эти, как нам представляется, далеки от логического решения. Более того, на наш взгляд, речь идёт о конкретных проблемах, требующих безотлагательного решения. Естественно, огромное значение имеет то, какими методами они решаются. В соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст.131.), Федеральным законом от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ, местное самоуправление осуществляется с учетом исторических и иных местных традиций в пределах его полномочий. В связи с этим вспомним, что до 1917 года в России существовало 20 различных систем организации местного самоуправления, и даже из 72 так называемых «русских» губерний только в 37 использовалась унифицированная модель. Местное самоуправление осуществляется с учетом исторических, географических, хозяйственных, этнических и иных особенностей развития регионов России. Необходимо закрепить законом и учитывать те его формы, которые оправдали себя исторически. В связи с этим выявляются этапы становления местного самоуправления в историческом измерении. Исследование

традиционных форм общественного самоуправления в Дагестане выявляет глубокие корни формирования народной демократии в решении широкого круга проблем местного значения. Рассматривая исторические особенности местного самоуправления народов Дагестана, следует отметить, что «низовой политической организацией дореволюционного дагестанского общества была сельская община, состоявшая в основном из малых семей». В общинной системе самоуправления сильные позиции занимала тухумная организация, которая не обладала институционализированными формами власти, как это имело место в джамаате. Малые общины типа тухумных до их объединения, то есть до образования крупных общин, не имели специальных органов управления. Тухумная община - это коллектив, где целиком господствует частная собственность, но круг владельцев замкнут родственным коллективом в виде тухума, живущего общиной, в которой все вопросы жизни решаются старейшинами. На наш взгляд, законодателю не удалось найти оптимальное решение проблемных вопросов развития местного самоуправления в территориально-спорных, постконфликтных муниципальных образованиях, в данном случае в Новолакском районе Республики Дагестан, Пригородном районе Республики Северная Осетия-Алания, Республике Ингушетия, и др. Это проблема, неразрешимая органами местного самоуправления, но чаще всего негативно влияющая на планомерное развитие местного самоуправления, на наш взгляд, это разгул бандитизма и терроризма на Северном Кавказе. Как нам представляется, хотя исторически рядом живут республики Северного Кавказа, но почти не знают о традициях и обычаях друг друга. Этот фактор, на наш взгляд, удобно для себя используют это обстоятельство в политических манипуляциях для националистов всех направлений. Между тем в федеральном центре тоже не всегда знают о социально-политической, культурной жизни на Северном Кавказе, что влечет за собой формирование негативного образа кавказцев в СМИ России. В России порой совершенно не знают об истории народов Кавказа, о специфике их национального самосознания, многие школьники российских школ не представляют, не только содержательно, но и географически о месте расположения республик Северного Кавказа. Идеологи, средства массовой информации, сами того не желая, выставляют жителей Северного Кавказа как потенциальных бандитов и правонарушителей и что самое печальное, многие российские обыватели искренне этому верят. Солдат, приезжающий нести службу на Северном Кавказе, едет сюда с негативным отношением к местному населению, в каждом ему видится боевик, хотя офицеры, солдаты могли убедиться в святом отношении к солдату и Родине дагестанцев во время событий 1999 года, когда Дагестан своим мужеством вселил дух Российскому солдату и возродил боевой дух солдат и офицеров, своими поступками закрепили веру в Дагестан, и славу Российской армии. Нередки и националистические высказывания представителей научной и творческой интеллигенции. Отдельные учёные публикуют статьи, несущие в себе неуважительное, а порой оскорбительное отношение к другим народам. Такая политика никак не даёт благоприятную почву для развития межмуниципальных связей. Извечный российский вопрос "Кто виноват?", но реалии жизни таковы, что постконфликтные отношения до сих пор не урегулированы. До настоящего времени не дана правовая оценка многим конфликтам. Хотя мы считаем, что на данную проблему нельзя не реагировать и не принимать решения, необходимо к этому вернуться и привлечь ответственных за кровавые бои и виновных привлечь к уголовной ответственности. Эти факты подрывают веру и авторитет органов власти, и подрывают процессы формирования гражданского общества. Статистика показывает, что средний уровень доходов на душу населения на Северном Кавказе в два раза ниже, чем в среднем по стране, а треть всех безработных сосредоточена в этом регионе данный вопрос наиболее остро стоит в Республике Дагестан. Такое состояние нерешённых вопросов становится питательной средой для повышения криминогенности. Спецслужбам Запада, действующим через посредников, несложно вовлечь в разные религиозные течения экстремистского толка молодежь, отчаявшуюся найти работу. Из таких людей и получаются матерые боевики. Кроме того, в некоторых регионах Северного Кавказа (Ставропольский край, Северная Осетия, Дагестан) количество беженцев превышает общероссийский показатель кратно. Разбогатевшая криминальным путем в период перестройки "элита", желающая утвердиться во власти, нагнетает напряженность в северокавказском обществе борьбой

с конкурентами за рынки сбыта продукции, за владение местными природными ресурсами, вовлекая в эти процессы и население. Наблюдается в регионе недостаточная активность большинства федеральных министерств и ведомств. С одной стороны, они не эффективны в своей деятельности, а с другой - им не удается в полной мере использовать для экономического развития, имеющиеся здесь ресурсы и возможности.

Поэтому внутривластная нестабильность на Северном Кавказе значительной мере выгодна целому ряду государственных и межгосударственных образований, преследующих исключительно свои не обозначенные национальные интересы. Придумывая новые и новые формы отдельные государства, всячески мешают стабильности на Северном Кавказе, при этом решая свои скрытые задачи[3]. На наш взгляд главной целью этих государств является не допустить возрождения России до уровня стабильной развитой страны, подорвать ее влияние, сузить ее политическое пространство до пределов собственных границ. Подстегнуть сепаратистские настроения в отдельных российских регионах, в том числе и на Северном Кавказе. Всячески снижая, таким образом, престиж и имидж Российской Федерации в мировом сообществе. Естественно, что на развитие местного самоуправления на Северном Кавказе эти и другие факторы не могут не влиять негативно.

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
2. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"
3. Федеральный центр и Северный Кавказ: новые политические решения и новые вызовы: Аналитический доклад Центра политических технологий, 2009. <http://www.politcom.ru/7942.html>. 16.03.2011г.
4. Мирзаев М. А. Теоретико-правовые проблемы развития местного самоуправления в Дагестане: Дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2002. С.173
5. Социальный атлас российских регионов // Тематические обзоры. <http://www.socpol.ru/print.asp?f=/atlas/typology/index.shtml>. 16.03.2011г.
6. Занятость и безработица в РФ на сентябрь 2009 г. // http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/213.htm 16.03.2011г.
7. Дмитрий Козак: размеры помощи северокавказским республикам уменьшатся // Кавказский узел (электронный ресурс: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/159260/>). Публикация 12 сентября 2009 г
8. Северный Кавказ – «зеркало» системного кризиса власти в Россиикavkasia.net>Россия>article/1297104045.php 18 декабря 2010

Глазунов Н.В.

Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ

*Оренбургский государственный университет
Россия, Оренбург*

doi:10.18411/spc-20-06-2017-03

ids: 000001:spc-20-06-2017-03

Наркомания является глобальной проблемой современного общества. Это явление оказывает все более разрушительное воздействие на развитие мирового сообщества, а также провоцирует политическую, социально-экономическую нестабильность во многих государствах, включая и Российскую Федерацию.

В России такое явление как наркомания, представляет собой национальное бедствие. Наркотики наиболее популярны среди молодежи и наркозависимость становится одним из самых главных и опасных пристрастий. Актуальность данного

исследования заключается в том, что потребление наркотиков молодежью может сказаться на последующих поколениях Российского государства.

Растущий спрос на наркотики и психотропные вещества, активизирующий их незаконное производство и распространение, представляет глобальную проблему современной цивилизации, ибо серьезно угрожает социально-экономической и политической стабильности, здоровью и благополучию миллионов людей, главным образом молодежи [7].

В последнее время, в Российской Федерации, организованная преступная деятельность в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ расширялась угрожающими темпами. Очень высокая доходность преступного наркобизнеса обусловила его практически полную монополизацию организованными преступными формированиями, создавшими теневую «индустрию» производства и распространения наркотиков.

Согласно Федеральному закону от 8 января 1998 года "О наркотических средствах и психотропных веществах" наркотическими средствами признаются вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года.

Психотропными веществами, согласно этому же Закону, признаются вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, природные материалы, включенные в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией о психотропных веществах 1971 года.

Постановление Правительства РФ "Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации" от 30 июня 1998 г. устанавливает список наркотических и психотропных веществ и их прекурсоров, которые подлежат контролю на территории Российской Федерации.

До 31 мая 2016 года функцию по выработке государственной политики, контролю и надзору в сфере оборота наркотических веществ, а также в области противодействия их незаконному обороту осуществляла Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков. Данный орган был упразднен, а функции и полномочия органа были переданы в Министерство внутренних дел Российской Федерации, образовав объединенное Главное управление по контролю за оборотом наркотиков МВД РФ.

Задачи Главного управления заключаются в своевременном выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ. Контроль за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и осуществление мер по противодействию их незаконному обороту, взаимодействие в установленном порядке с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов, органами местного самоуправления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту.

Согласно статистике по Оренбургской области, по данным Генеральной Прокуратуры РФ, за 2015 год было зарегистрировано 2700 преступлений, связанных с

незаконным оборотом наркотических средств, за 2016 год показатель уменьшился, и составил около 2600 преступлений.

Всего, за 2015 год было выявлено 1328 человек, которые совершили преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. В 2016 году показатель вновь уменьшился и составил 1217 человек.

Рассмотрим статистику изъятых из оборота наркотиков, начиная с 2008 года на территории Российской Федерации.

В 2007 году по Российской Федерации органами наркоконтроля было изъято 24,7 тонны наркотиков. Также, по стране было изъято около 3 тонн героина.

С 2008 года по возбужденным уголовным делам из незаконного оборота изъято более 38 т наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в том числе органами госнаркоконтроля – свыше 24,5 т наркотиков, из них более 3,5 т героина. Это в полтора раза больше, чем в 2007 г. Фактически в сутки изымалось до 10 килограммов героина.

В 2009 г. в России из незаконного оборота было изъято почти 45 т наркотиков, что на 33% больше, чем годом ранее. По словам директора Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Виктора Иванова, в 2009 г. в России было уничтожено более 20 тысяч га дикорастущих наркосодержащих растений, в результате чего было предотвращено поступление в незаконный оборот 170 т марихуаны.

В 2009 г. в России было ликвидировано 6 тысяч 414 наркопритонов, 37 подпольных химических нарколабораторий, 3 тысячи 497 кустарных производств наркотиков.

2010-2014 г. С 2010 г. в статистику стали включаться вещества, которые до этого наркотиками не считались: сальвия, гавайская роза и синтетические наркотические средства, спайсы и соли.

В целях консолидации усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и граждан Российской Федерации по пресечению распространения на территории Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров была утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года.

Необходимость принятия Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года (далее - Стратегия) обусловлена динамикой изменений, происходящих в России и в мире, возникновением новых вызовов и угроз, связанных прежде всего с активизацией деятельности транснациональной преступности, усилением терроризма, экстремизма, появлением новых видов наркотических средств и психотропных веществ (далее - наркотики), усилением негативных тенденций, таких как устойчивое сокращение численности населения России, в том числе уменьшение численности молодого трудоспособного населения вследствие расширения масштабов незаконного распространения наркотиков.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Президентом Российской Федерации 12 мая 2009 г., одним из источников угроз национальной безопасности признана деятельность транснациональных преступных группировок и организаций, связанная с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров.

Современная наркоситуация в Российской Федерации характеризуется расширением масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления высококонцентрированных наркотиков, таких как героин, кокаин, стимуляторы амфетаминового ряда, лекарственных препаратов, обладающих психотропным воздействием, а также их влиянием на распространение ВИЧ-инфекции, вирусных

гепатитов, что представляет серьезную угрозу безопасности государства, экономике страны и здоровью ее населения.

Ключевым фактором негативного развития наркоситуации в Российской Федерации является масштабное производство опиатов на территории Афганистана и их последующий транснациональный трафик на территорию России.

В ряде российских регионов отмечается рост распространения наркотиков, изготовленных из местного растительного сырья и лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства и находящихся в свободной продаже, появляются новые виды психоактивных веществ, способствующие формированию зависимых форм поведения.

На эффективности государственной антинаркотической политики отрицательно сказывается отсутствие государственной системы мониторинга развития наркоситуации.

Недостаточно эффективно организованы профилактическая деятельность, медицинская помощь и медико-социальная реабилитация больных наркоманией. Недостаточно используется потенциал общественных объединений и религиозных организаций.

Необходимо принятие комплексных и сбалансированных мер, которые не только существенно снизили бы немедицинское потребление наркотиков и последствия их потребления, но и способствовали разрушению финансовых, организационных, информационных и иных наркодилерских сетей.

Стратегия разработана в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права в области противодействия незаконному обороту наркотиков и их прекурсоров с учетом отечественного и зарубежного опыта. Стратегией определяются цель, принципы, основные направления и задачи государственной антинаркотической политики Российской Федерации.

В Стратегии развиваются и конкретизируются применительно к сфере антинаркотической деятельности соответствующие положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

Достижение генеральной цели Стратегии осуществляется на основе сбалансированного и обоснованного сочетания мер по следующим направлениям:

а) сокращение предложения наркотиков путем целенаправленного пресечения их нелегального производства и оборота внутри страны, противодействия наркоагрессии;

б) сокращение спроса на наркотики путем совершенствования системы профилактической, лечебной и реабилитационной работы;

в) развитие и укрепление международного сотрудничества в сфере контроля над наркотиками.

Основные стратегические задачи:

а) разработка и внедрение государственной системы мониторинга наркоситуации в Российской Федерации;

б) создание и реализация общегосударственного комплекса мер по пресечению незаконного распространения наркотиков и их прекурсоров на территории Российской Федерации;

в) выработка мер противодействия наркотрафику на территорию Российской Федерации, адекватных существующей наркоугрозе;

г) обеспечение надежного государственного контроля за легальным оборотом наркотиков и их прекурсоров;

д) создание государственной системы профилактики немедицинского потребления наркотиков с приоритетом мероприятий первичной профилактики;

е) совершенствование системы оказания наркологической медицинской помощи больным наркоманией и их реабилитации;

ж) совершенствование организационного, нормативно-правового и ресурсного обеспечения антинаркотической деятельности [1].

Субъектами антинаркотической деятельности выступают Государственный антинаркотический комитет, антинаркотические комиссии в субъектах РФ, Министерство внутренних дел РФ, Министерство здравоохранения и социального развития РФ, высшие должностные лица, органы исполнительной власти субъектов РФ, а также органы местного самоуправления.

Объектами являются организации и учреждения, которые участвуют в легальном обороте наркотиков, организованные преступные группы и сообщества, а также население страны.

Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средства начинается с обстоятельств, которые подлежат установлению:

- факт незаконного изготовления, приобретения, хранения, перевозки, сбыта и т. д. (попадает ли под действие УК РФ);
- субъект, совершивший преступление, его характеристика;
- количество изъятых наркотиков (вид наркотиков);
- источник приобретения наркотиков;
- способ их изготовления;
- цели и мотивы совершения преступления;
- размер наживы;
- условия и причины, которые поспособствовали совершению данного преступления.

Основаниями для возбуждения уголовного дела служат письма и заявления граждан, представителей организации и учреждений, лечебных заведений, обнаружение фактов преступления сотрудниками ОВД. Поступившая информация тщательно проверяется. Прилагаются объяснения свидетелей и задержанного, акты медицинского освидетельствования, справки из медучреждения о нахождении лица на учете, справки о прошлых судимостях и характеристики.

К первоначальным следственным действиям относятся:

- осмотр места происшествия;
- осмотр предметов;
- личный обыск и осмотр одежды подозреваемого;
- освидетельствование подозреваемого;
- обыск по месту жительства.

Далее, возможен допрос свидетелей, подозреваемых (обвиняемых), назначение различных экспертиз, такие как судебно-химическая, ботаническая, биологическая и др [6].

У большинства стран мира имеется достаточно объемный набор правовых норм, которые затрагивают вопросы, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

А. Е. Шалагин и Д. Э. Кабиров выделяют несколько групп стран в зависимости от характера уголовной политики в области противодействия наркомании.

Первую группу составляют Испания, Италия, Нидерланды и Португалия. Законодательство этих стран либеральное, поскольку в нормах отсутствует ответственность за немедицинское употребление наркотиков, однако ответственность устанавливается за сбыт и производство сильнодействующих наркотических веществ. Из этих стран особенно выделяются Нидерланды, именно в этой стране существуют отдельные разделы уголовного права, которые регулируются особыми законами. Закон

"Об опиуме" (нидерл. -Opiumwet) 1928 г. запрещает хранение и употребление героина, кокаина, ЛСД, амфетаминов, но разрешает употребление и хранение некоторых производных конопли. Наркотики в Нидерландах можно приобрести в "наркокофейнях", но только небольшие порции. В случае обнаружения сильнодействующих препаратов и наркотиков полиция беспрепятственно принимает меры, направленные на пресечение незаконных действий и привлечение лиц к ответственности [5].

В таких странах как Япония, Австрия, Бельгия, Болгария, Франция и Израиль наказания соответствуют характеру и тяжести совершенного преступления.

Наиболее строго к незаконному обороту наркотиков относятся Бангладеш, Вьетнам, Иран, КНР, Сингапур, Малайзия, Саудовская Аравия. Законодательством Сингапура предусмотрена смертная казнь при обнаружении у человека более 15 г героина, или же 30 г морфия. Такое понятие, как смертная казнь характерно для многих азиатских стран и стран ближнего Востока.

К последней группе можно отнести страны Африки и Латинскую Америку. Правовые нормы в области незаконного оборота наркотиков находятся лишь в стадии разработки и уголовная политика в этих странах не определена. Стоит отметить, что не установлена ответственность за деяния, которые международно-правовыми актами относятся к уголовно-наказуемым [4].

Как итог, законодательство зарубежных стран достаточно дифференцированно и гуманно подходит к вопросам определения форм и мер ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. В уголовном законодательстве ряда стран содержатся позитивные направления, которые могут быть восприняты уголовно-правовым законодательством России. В частности, усиление уголовных репрессии в отношении распространителей наркотических средств и психотропных веществ.

1. Указ Президента РФ от 9 июня 2010 года "Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года"
2. Федеральный закон от 8 января 1998 года "О наркотических средствах и психотропных веществах"
3. Постановление Правительства от 30 июня 1998 года "Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации"
4. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: монография / под общ. ред. С. П. Щербы. - Москва: Юрлитинформ, 2010. - с. 319-320
5. Уголовный Кодекс Голландии. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. - с 3
6. Криминалистика: учебник / под ред. д. ю. н., профессора В. Д. Зеленского и д. ю. н., профессора Г. М. Меретукова. - СПб: Юридический центр, 2015.
7. Криминалистика: учебник / под ред. д. ю. н., профессора Е. П. Ищенко. - Москва: Инфра-М "Контракт", 2010.

Денисова М.А.

Проблемные вопросы взыскания алиментов с должников, находящихся на территории Российской Федерации и иностранных государств

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, Белгород*

doi:10.18411/spc-20-06-2017-04

idsp: 000001:spc-20-06-2017-04

В современном обществе пять из десяти браков распадаются, что порождает немало проблем для бывших супругов и, если в браке были рождены дети, то, естественно, и для них. Законодательно между родителем и ребенком, в случае необходимости, установлены алиментные правоотношения, которые в большинстве

случаев не носят должный законный и моральный характер, в связи с чем, данной проблеме необходимо уделить внимание и усилить надзор со стороны государства. Когда граждане проживают на территории России алименты на содержание ребенка (детей) взыскиваются в соответствии с законодательством Российской Федерации, при этом данные дела являются зачастую крайне сложными, потому что необходимо соблюсти интересы всех сторон и восстановить социальную справедливость. Но что делать, когда должник находится за пределами РФ? К сожалению, в нашей стране отсутствует правовая регламентация данного вопроса, что влечет за собой невозможность службы судебных приставов защитить права детей, которые являются гражданами РФ, по обеспечению алиментами от должников, находящихся на территории иностранных государств. Многие международные Конвенции и договоры, не ратифицированы Российской Федерацией, что порождает отсутствие правового закрепления деятельности судебных приставов в данной сфере.

На сегодняшний день все государства перенимают друг у друга правовые положения, основываясь на опыте его применения. Не всегда такие действия приводят к положительному результату для нашей страны, ведь разные менталитеты в государствах и обуславливают их специфику. В сфере же принудительного исполнения судебных решений по алиментным обязательствам такой обмен опытом помог повысить результативность деятельности судебных приставов.

Например, судебные приставы в РФ взаимодействуют с коммерческими организациями для достижения следующей цели: получение достоверной информации об отсутствии или наличии договоров по оказанию услуг доступа к сети Интернет, получение действующего номера мобильного телефона должника, информации о принадлежащих ему денежных средствах, а также о расходах на использование вышеперечисленных услуг [1].

По запросам судебных приставов администрация социальных сетей может предоставить следующую информацию: а) почтовый ящик клиента, который используется им как учетная запись; б) номер его телефона и т.д. Сейчас приставы-исполнители стали использовать эти данные для того, чтобы уведомить должника, что в отношении него возбуждено исполнительное производство и во избежание проблем ему необходимо погасить задолженность.

В век современных технологий нередки случаи, когда правоохранительные органы используют страницу гражданина в социальной сети для сбора необходимой им информации о нем. Эта информация находится в свободно доступе для всех, что облегчает её поиск и сбор, и ни в коем случае не является нарушением конституционного права каждого гражданина на защиту частной жизни [2], потому что все социальные сети являются общедоступными, граждане сознательно и добровольно размещают в них информацию о себе, выкладывают какие-либо фото и видео файлы, чтобы продемонстрировать их другим пользователям. Такой способ получения и сбора информации позволяет незамедлительно установить местонахождение должника, как в пределах, так и за пределами России, его имущества, лиц, которые с ним контактируют, что в разы упрощает работу.

Отсутствие должного экономического статуса нашей страны приводит к сложностям по выявлению должников. Нехватка рабочих мест в регионах влечет за собой необходимость людей переезжать в другие местности, где они зачастую устраиваются неофициально, из-за чего становится невозможным отследить где работает гражданин, какую заработную плату получает. А если он уехал в другую страну, то не то что узнать об принадлежащем ему имуществе, о его месте нахождения становится почти невыполнимо. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ "Об исполнительном производстве" [3] предусматривает, что розыск должника-гражданина по исполнительным документам, содержащим требования о взыскании алиментов или возмещении вреда, причиненного здоровью, осуществляется органами внутренних дел.

При этом розыск имущества должников (как юридических, так и физических лиц) осуществляется Федеральной службой судебных приставов.

За последнее время уровень эффективности розыска должников и их имущества в России заметно повысился, потому что разрабатываются различные способы, приёмы, меры принуждения, меры, направленные на общественное порицание, а вот поиск должников, находящихся на территории иностранных государств так и стоит в мертвой точке.

Для того, чтобы планировать проведение дальнейших розыскных мероприятий, необходимо производить фиксацию поездок должника, распоряжение им своими средствами. Например, приставы могут направлять запросы в банки, чтобы узнать о наличии или отсутствии у должника счетов, вкладов, кредитов, в компании, которые осуществляют перевозку авиационным и железнодорожным транспортом, с целью сбора информации о частоте перемещения должника и количестве затраченных им средств на приобретение билетов. Много разговоров ведется о том, чтобы получать информацию о учреждениях здравоохранения о постановке должника на учет, чтобы установить адрес его фактического проживания. Но здесь возникает проблема. Это возможно только в государственных поликлиниках и больницах. Если гражданин обращается в частных клиники отследить его будет невозможно.

Назревает необходимость ужесточить законодательство в сфере миграции. Например, можно было бы вносить в паспорт должника отметку о том, что на нем лежит обязанность по уплате алиментов, а перевозчик будет включать эту информацию в электронную базу, тогда в разы будет упрощена система поиска не всех, но большинства должников, т.к. все их передвижения будут сразу фиксироваться и компетентные органы, при розыске этих граждан, будут знать в каком городе или стране их искать.

Чтобы разыскать должника и его имущество на территории иностранного государства необходимо наличие международного договора между Российской Федерацией и определенным государством. Например, алиментные обязательства на международной арене регулируются Гаагской конвенцией о праве, применимом к алиментным обязательствам в отношении детей (1956 г.) и Гаагской конвенцией о признании и исполнении решений по делам об алиментных обязательствах в отношении детей (1958 г.). Эти конвенции, к сожалению, не ратифицированы Российской Федерацией, что приводит к невозможности решить данную проблему в правовом поле. Такое положение дел указывает на острую необходимость применения мер государственными органами по принятию четких правил взыскания алиментов с иностранных граждан и произвести их юридическое закрепление.

Законодательство об исполнительном производстве в Российской Федерации на сегодняшний день наделило судебного пристава-исполнителя широким кругом полномочий в сфере принуждения должника исполнить его обязательства. При этом, как показывает практика, этого недостаточно для того, чтобы исполнение было эффективным. Глобальной проблемой является розыск плательщика алиментов, а также имущества, на которое может быть обращено взыскание. Для того, чтобы решить эту проблему ФССП сотрудничает с различными структурами и органами, такими как: органы внутренних дел, налоговые, таможенные органы, прокуратура, суды, а также другие государственные органы, общественные организации, физические и юридические лица.

Интересным видится способ решения данной проблемы предпринятый Председателем Правительства Российской Федерации Д.А. Медведевым, который в 2011 году подписал Федеральный закон от 03.12.2011 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" N 389-ФЗ [4], в соответствии с которым теперь для розыска должника разрешено нанимать частных детективов. Такой шаг привел к положительным результатам, хотя и остаются нюансы и пробелы.

Важным моментом является то, что нанимать частных детективов будут сами взыскатели. У ведомства нет денежных средств, для того, чтобы оплачивать работу сыщиков. В принципе, это видится вполне логичным. Ведь если предоставить судебным приставам такое право, то вполне вероятно, что возникнет коррупция и частных детективов будут нанимать за откат. Поэтому данное положение позволяет избежать этой проблемы.

В соответствии с внесенными изменениями, теперь взыскатель, который нанял частного детектива и получил от него информацию, досье или иные сведения вправе принести их судебному приставу и тот должен подкрепить эти бумаги к делу и использовать их для осуществления своей деятельности.

Данный закон существенно расширил круг прав, принадлежащих судебным приставам-исполнителям. Теперь они могут самостоятельно производить розыск лиц, направлять в соответствующие ведомства запросы об оперативно-розыскной информации, а также, что, пожалуй, одно из самых действенных - это на безвозмездной основе использовать СМИ. Например, в некоторых городах начали публиковать в газетах фотографии разыскиваемых должников, вешать баннеры и плакаты - это все приводит к повышению эффективности розыска должника.

Также теперь судебные приставы наделены обязанностью искать гражданина-ответчика. То есть, кто-то подал иск к гражданину, а где он неизвестно, суд выносит определение о розыске человека и судебных пристав должен начать его поиск.

Первая статистика, предоставленная ФССП за полгода работы с внесенными в законодательство изменениями показала, что к судебным приставам поступило 259 определений о розыске граждан-ответчиков, из них найдены были 101 человек.

Данные изменения вступили в законную силу с 1 января 2012 года. В период с января по июнь было заведено 70 тысяч розыскных дел, из них было найдено 13,1 тысяч должников.

Ключевым моментом следует отметить, что оплачивать деятельность частных детективов будет взыскатель, в связи с чем необходимо, чтобы было получено его согласие на данного рода деятельность. Здесь возникает несколько вопросов. Во-первых, каким образом должно быть получено согласие лица на привлечение детективов. Во-вторых, а что делать гражданам, которые в силу своего низкого материального положения не смогут оплатить эту деятельность. В-третьих, отсутствует правовая регламентация взаимодействия приставов с частными организациями. Когда этот закон только был принят и вступал в силу, говорили о необходимости разработки такого регламента, но это так и осталось на уровне разговоров. Хотя для осуществления этой деятельности, как и для любой другой просто необходимо прописать всю процедуру обращения к частным детективам и то, как будет осуществляться взаимодействие этой организации и ФССП. Будем надеяться, что в дальнейшем такие методические рекомендации будут разработаны и туда не мешало бы внести положение о том, что работу частных детективов должен будет оплачивать сам должник, в случае его отказа, денежные средства можно будет взыскать через суд. Тогда разрешатся сразу две проблемы, озвученные ранее.

1. Тукташев Д.Е. О деятельности Службы судебных приставов. // Угличская газета от 24 марта 2011 г. № 103.
2. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 2009. – № 7. – 21 января.
3. "Об исполнительном производстве": Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Российская газета. – 2016 г. – № №7167 (1). – 9 января.
4. "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации": Федеральный закон от 03.12.2011 N 389-ФЗ // Российская газета. – 2011 г. – № № № 5654. – 9 декабря.

Кушниренко А.Ф.**Актуальные вопросы использования криминалистических методов в гражданском и арбитражном процессах***Северо-Западный институт (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, Вологда**doi:10.18411/spc-20-06-2017-05**idspl: 000001:spc-20-06-2017-05*

История развития криминалистики свидетельствует о постоянном поиске и уточнении практической области применения криминалистических знаний.

Созданный за длительное время существования криминалистики арсенал ее специфических знаний и криминалистических технологий и накопленный опыт их использования в уголовно-процессуальной правоприменительной деятельности может быть успешно использован в иных сферах правоприменения [1, с. 80].

В гражданском, арбитражном и административном процессах информационные криминалистические технологии могут формироваться по криминалистическим моделям работы с цивилистическими юридическими фактами, необходимыми для разрешения соответствующих дел.

В настоящее время в научной среде сложилось практически единодушное мнение, что судебное доказывание имеет общие закономерности и содержание независимо от видов судопроизводства: гражданского, арбитражного, уголовного либо административного.

Так общность механизмов доказывания в уголовном и цивилистическом процессах просматривается в одинаковости многих процессуальных положений и институтов, например, в одинаковых основных принципах и условиях судопроизводства. Следовательно, можно говорить о формировании в рамках криминалистики системы знаний об использовании криминалистических возможностей в цивилистическом процессе, содержание которого составляет судебное рассмотрение гражданских дел и дел, рассматриваемых арбитражными судами. Это научное направление, по мнению Жилиной М.В. вправе претендовать на статус одного из криминалистических учений, а его объект заслуживает отражения в определении предмета криминалистики. [2, с. 180-184].

Так ряд ученых и практиков считает, что криминалистика является исключительно наукой уголовно-правового цикла и ее достижения и наработки должны применяться преимущественно при расследовании уголовных преступлений. Другие исследователи полагают, что криминалистика «выросла» из первоначально отводившихся ей уголовно-правовых рамок использования и в настоящее время ее методики и наработки должны быть использованы и используются в других видах судопроизводства: гражданском, арбитражном и административном в силу единства целей и задач при рассмотрении соответствующих дел, а также схожести процедур собирания, исследования и оценки доказательств, например: криминалистические исследования следов, оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ и следов их применения; документов; криминалистическая идентификация человека [3, с. 195]. Данный подход к пониманию криминалистики начинает преобладать в юридической среде.

Расширительное понимание и применение коснулось не только криминалистических тактики и техники, но и криминалистики как науки в целом, включая ее цели, задачи, приемы и способы, используемые в уголовном процессе. Данное развитие криминалистики обусловлено, на наш взгляд, в сущности едиными целями, стоящими перед любым видом судопроизводства в российской правовой

системе, что, например, следует из Конституции Российской Федерации, в части 3 статьи 123 которой определено, что судопроизводство (любой из его видов) осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон [4].

Следовательно, любые дискуссии относительно невозможности или ненужности «смешивания» криминалистики и ее составляющих с аналогичными институтами в иных юридических отраслях кроме уголовно-правового цикла, на наш взгляд в настоящее время актуальны только в историческом аспекте.

Такой подход, однако, не означает, что все наработки криминалистики следует автоматически переносить в гражданский и арбитражный процессы. Напротив, считаем, что необходимо акцентироваться как в теоретическом плане, так и в практической правоприменительной деятельности на дальнейшей работе по разработке и изменению криминалистических методов, техники и тактики с целью адаптации их к особенностям гражданского и арбитражного судопроизводства.

Остановимся на наиболее востребованных в иных процессах инструментах криминалистики, без которых трудно, а подчас и невозможно достичь целей любого судопроизводства – законности, всесторонности, объективности, полноты, достаточности при исследовании доказательств и установлении фактических обстоятельств по делу.

Почерковедческая экспертиза.

В практике довольно частыми являются споры идентификации подписей в юридически значимых документах: расписках в получении денежных средств, гражданско-правовых договорах, актах приема-передачи объектов гражданского оборота, документах бухгалтерского и налогового учета (счетах-фактурах, товарно-транспортных накладных) и т.д.

Зачастую, наличия заключения эксперта о принадлежности подписи на каком-либо юридически значимом документе не тому лицу, которое в нем указано, является достаточным основанием для судов в признании таких документов юридически порочными, не подтверждающими наличия рассматриваемых правоотношений между лицами, в них указанными. Распространенными примерами могут служить многочисленные налоговые споры в арбитражных судах по делам, связанным с налогообложением с участием так называемых «спорных» или недобросовестных поставщиков (контрагентов налогоплательщиков). Так Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ, Верховный Суд) по одному из таких дел принимая во внимание результаты почерковедческой экспертизы, согласился с выводами нижестоящих судов, что документы, представленные заявителем в обоснование предъявленных налоговых льгот по сделкам с одним из своих контрагентов, содержат недостоверные сведения, подписаны неустановленными лицами и в силу положений статей 169, 171, 247, 251, 252 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ) не могут служить основанием для принятия вычетов по НДС и расходов по налогу на прибыль [5; 6].

Принимают в качестве одного из основных доказательств результаты почерковедческой экспертизы и другие суды, в частности, признавая, что подписание документов неустановленными лицами свидетельствуют о том, что данные документы и не могут служить доказательствами наличия реальных финансово-хозяйственных сделок налогоплательщиков со своими контрагентами [7].

Генетическая идентификация личности.

При рассмотрении гражданских дел, решающее значение генетическая идентификация личности играет в разрешении, как правило, распространенного вопроса – наличия или отсутствия близкого родства между физическими лицами, как правило, в наследственных спорах.

Характерным примером может служить гражданское дело, в котором истец - Д.В. обратился в суд с иском к П.К. об установлении факта отцовства, восстановлении срока для принятия наследства, признании недействительным свидетельств о праве на

наследство выданных ранее. Суды приняли во внимание тот факт, что в ходе проведенной судебно-медицинской экспертизы методом молекулярно-генетической идентификации было установлено, что истец имеет общего биологического отца с другим наследником и при условии, что они имеют различных биологических матерей, такая вероятность составляет 96,8%. По результатам рассмотрения данного дела суды установили искомый факт отцовства в отношении истца [8].

При этом, однако, невзирая на использование доказанных и подтвержденных своей эффективностью современных достижений науки и техники в процессуальных отраслях права и в этом случае действует принцип одинаковой юридической силы всех доказательств по делу.

Так Конституционный Суд Российской Федерации постоянно формулирует правовую позицию, согласно которой заключение экспертизы по вопросу происхождения ребенка являлось и является лишь одним из доказательств происхождения ребенка от конкретного лица, которое суд оценивает в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами (показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства и т.д.), - согласно статьям 67 и 86 ГПК Российской Федерации никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы [9].

Также на наш взгляд интересным является тот факт, что по делам об оспаривании отцовства генетическая экспертиза назначается судом с учетом мнения детей, достигших возраста 10 лет [10].

Завершая раскрытие значения генетической идентификации в гражданском процессе, хотелось бы отметить, что результаты генетической экспертизы при оспаривании отцовства рассматривались также на международном уровне.

Одним из известных дел, по которому истец выиграл против Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека (далее - ЕСПЧ) единственным существенным доказательством по которому фигурировала генетическая идентификация с ребенком, в отношении которого истец был отцом в юридическом смысле, явилось интересное дело - «Шофман (Shofman) против Российской Федерации» (жалоба № 74826/01, постановление ЕСПЧ от 24.11.2005) [11].

Итак, гражданин Шофман обратился в суд общей юрисдикции с иском о расторжении брака и с требованием об оспаривании отцовства на основании результатов экспертизы, заключающейся в исследовании анализа ДНК подтвердившей, что заявитель не мог быть отцом мальчика. Данный факт был установлен судом первой инстанции. Однако, суд отказал в удовлетворении иска об оспаривании отцовства, сославшись на то, что в отношении такого требования истек предельный годичный срок исковой давности (по действовавшему в тот период Кодексу о браке и семье РСФСР от 30.07.1969). Решение суда первой инстанции было оставлено в силе по результатам всех обжалований судебного акта в России - судьи пришли к выводу о том, что Шофман хотя и не является биологическим отцом ребенка, но при этом должен считаться его отцом юридически.

Учитывая, что Шофман предпринял все необходимые юридические действия по оспариванию своего отцовства сразу же после того, как узнал факты реального состояния биологических экспертиз, ЕСПЧ принял решение, что применив негибкий годичный срок исковой давности в деле Шофмана, российский суд нарушил положения статьи 8 Европейской конвенции по правам человека, согласно которой каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни [12, с. 41-44].

Судебное автороведение.

В гражданском и арбитражном процессах, установление автора текста является необходимым фактическим обстоятельством по делам: о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также при рассмотрении споров в сфере авторского права.

Согласно пункту 8 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), если невозможно установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь,

достоинство или деловую репутацию гражданина, гражданин, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности. Однако, невзирая на указанную формулировку законодателя, в судебной практике встречаются случаи, когда суды на стадии принятия заявления необоснованно требуют от заявителей по таким делам указывать конкретного ответчика.

Характерным примером может послужить дело № А66-16652/2013 по которому суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции о возвращении заявления. Одним из оснований возврата явилось не указание заявителем конкретного ответчика по заявлению о признании порочащих деловую репутацию сведений, содержащихся в статье, размещенной на сайте «InfraNews» в сети Интернет не соответствующими действительности на основании статьи 152 ГК РФ.

Апелляционный суд, применив принцип аналогии закона указал, что толкование и соответствующий подход, выработанный Верховным Судом в постановлении Пленума ВС РФ № 3 от 24.02.2005 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», может и должен применяться и при рассмотрении сходных дел арбитражными судами [13].

Однако, такое законодательное и судебное толкование нельзя рассматривать как препятствие заинтересованным лицам предпринимать возможные меры для установления конкретных авторов размещенной информации, пожелавших остаться неизвестными.

Так, считаем, что в случаях анонимного размещения порочащей информации возможно установление конкретного лица, сформировавшего и/или разместившего данную информацию посредством проведения автороведческой экспертизы, например, при наличии определенного круга авторов, предоставляющих свои публикации на соответствующий информационный ресурс.

Можно предложить еще один вариант решения вопроса по установлению авторства анонимной публикации. Технически возможно создание компьютерной программы по аналогии с программой «Антиплагиат», в которую можно будет вносить лексико-фразеологические, синтаксические, стилистические и иные особенности текста анонимного автора и «запускать» поиск по электронным ресурсам сети Интернет для выявления аналогичных/схожих размещенных в ней публикаций в которых указаны конкретные авторы. А затем данные такого механического «первичного» поиска аналогичных по написанию текстов предполагаемых авторов порочащей честь и достоинство анонимной публикации можно будет отправлять на автороведческую экспертизу для более точного установления предполагаемого автора.

Как уже было указано выше автороведческие экспертизы могут быть необходимы не только по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, но также при рассмотрении споров в сфере авторского права, в частности, споров о некорректном заимствовании при написании художественных, либо научных работ. Однако, суды не во всех случаях могут правильно оценить необходимость привлечения специалистов для проведения соответствующих экспертиз, что влечет отмену вынесенных ими судебных актов.

Так Верховным Судом было рассмотрено дело, в котором истец Г. обратился в суд с иском к Ш., С. и издательству о защите авторских прав, указывая, что является автором диссертации, публичная защита которой состоялась в 2007 году, а также статьи, опубликованной в 2009 году в журнале. А в 2010 году издательством была издана книга, авторами которой указаны Ш. и С. и которая содержит фрагменты диссертации Г. и научной статьи. Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении иска было отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда (Определение № 5-КГ13-2 от 09.04.2013) отменяя состоявшиеся судебные постановления нижестоящих

судов, пришла к следующим выводам. Для разрешения данного дела юридически значимым являлось обстоятельство, подтверждающее соответствие фрагментов диссертации и статьи истца Г., содержание которых повторяется в книге Ш. и С., критериям объектов авторского права, которым предоставляется правовая охрана, или отсутствие такого соответствия. При этом различие текстов по смысловой нагрузке, характеру изложения и их ориентированность на различные читательские аудитории сами по себе не являются обстоятельствами, исключающими возможность заимствования из других источников.

В этом случае установить факты, имеющие юридическое значение для дела, и достичь целей гражданского судопроизводства, определенных в статьях 2 и 57 ГПК РФ, без использования специальных знаний невозможно. Следовательно, при рассмотрении данного дела заключение эксперта относилось к необходимым средствам доказывания. Между тем выводы о том, что фрагменты произведений истца, совпадение с которыми имеется в книге ответчиков, представляют собой общеизвестные факты, и соответствующие части произведений Г. не подлежат защите с точки зрения авторского права, сделаны судом, не обладающим специальными знаниями в области лингвистики и экономики, без привлечения специалистов и назначения экспертизы. Следовательно, суд не рассмотрел вопрос о возможности назначения соответствующей экспертизы и привлечения специалистов [14].

Технико-криминалистическое исследование документов.

В ходе данной деятельности могут быть решены задачи установления способа изготовления документа и его частей, а также факта и способа внесения изменений в документ (дописка, допечатка, вставка); установление скрытой информации – выявление залитых, замазанных текстов, восстановление сожженных документов и т.п.; восстановление первоначального вида документа; определение времени изготовления документа и др. [15, с. 287].

В гражданском и арбитражном процессах результаты технико-криминалистического исследования документов часто используются из материалов соответствующих уголовных дел, которые касаются либо тех же лиц, участвующих в деле, либо доказательств (в первую очередь – письменных или вещественных) которые исследуются в гражданском или арбитражном судопроизводстве по конкретным делам.

Примером может служить дело № А40-114872/12-6-1075, которое прошло все инстанции рассмотрения в системе арбитражных судов, включая действовавший тогда суд надзорной инстанции - Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (ВАС РФ). Так, пересматривая судебные акты нижестоящих судов в порядке надзора Президиум ВАС РФ в постановлении № 11021/13 от 17.12.2013 отменяя судебные акты нижестоящих судов и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указал следующее. Ряд обстоятельств, на которые ссылался истец, и доказательств, представленных им в обоснование незаконности действий ответчика, не получил надлежащего исследования и оценки судов. Так, из представленного в дело заключения технико-криминалистической экспертизы следует, что на документах, послуживших основанием для внесения ответчиком оспариваемых записей, оттиски круглой печати от имени истца проставлены не его печатью, а иной печатной формой; с заявлениями о государственной регистрации прав на недвижимое имущество от имени истца и его мнимого контрагента обращалось одно и то же лицо, действовавшее на основании доверенностей, выданных от имени руководителей упомянутых организаций, при этом в деле имеется письменное доказательство, согласно которому нотариус, от имени которого были удостоверены доверенности, указанный факт отрицал.

Таким образом, суды не исследовали и не оценили доказательства, позволяющие усомниться в подлинности представленных на регистрацию документов и достоверности указанных в них сведений. При новом рассмотрении суд первой

инстанции, учтя замечания Президиума ВАС РФ, удовлетворил заявленные требования истца [16].

Технико-криминалистическое исследование расписки по гражданскому делу позволило суду апелляционной инстанции по другому делу отказать недобросовестному истцу в удовлетворении иска о взыскании с гражданина задолженности по договору займа. При этом суд апелляционной инстанции в основу своего определения положил результаты технико-криминалистической экспертизы спорной расписки о получении денежных средств ответчиком по делу. В частности, вывод экспертов о том, что время выполнения расписки не соответствует указанной в ней дате [17].

Допрос свидетеля и эксперта.

Ни один процессуальный кодекс, регламентирующий гражданский, арбитражный или административный процесс не содержат правовой регламентации построения допроса свидетелей (статья 88 АПК РФ, статья 69 ГПК РФ, статья 25.6 КоАП РФ, статья 51 КАС РФ) помимо основного требования – удаления из зала судебного заседания до начала рассмотрения дела по существу и предупреждения об уголовной ответственности за отказ от дачи свидетельских показаний и за заведомо ложные показания, обязанность дать правдивые показания (например, статья 153 АПК РФ и статьи 163; 176-178 ГПК РФ). Поэтому считаем весьма актуальными криминалистические разработки в процедуре допроса свидетелей в судах. Это самое распространенное, но и самое сложное следственное действие, так как процесс формирования показаний носит психологический характер, на него влияют многочисленные объективные (неблагоприятные погодные условия, отдаленность наблюдателя от места события и т.п.) и субъективные (возбуждение, страх, утомление и т.п.) факторы. При этом сформированы общие положения тактики допроса лиц с различным процессуальным статусом (свидетеля, эксперта, обвиняемого и т.п.), к которым относятся: активность допроса, его целеустремленность, объективность и полнота, учет психологических особенностей допрашиваемого лица [15, с. 574 – 576].

Установлению психологического контакта во многом способствует обстановка допроса. Следует по возможности исключить все, что может помешать доверительной беседе – телефонные звонки, разговоры с коллегами и т.д. [18, с. 374].

При этом не трудно понять, что в отличие от уголовного процесса, ни в гражданском, ни в арбитражном процессе такие рекомендации по исключению всех отвлекающих процесс допроса факторов осуществить невозможно, поскольку в силу указанных выше норм АПК РФ и ГПК РФ допрос свидетелей и экспертов в данных процессах может осуществляться только в судебных заседаниях в присутствии лиц, участвующих в деле и их представителей, т.е. как правило, вместе с судьей и секретарем судебного заседания это минимум 3-4 человека, не считая допрашиваемого. Однако, в любом случае криминалистические наработки допроса участников процесса необходимы для достижения цели получения полных и достоверных сведений от указанных лиц.

В научной и учебной литературе раскрывается значительное количество проблемных вопросов, касающихся применения криминалистики и ее наработок, как в уголовном, так и в других видах судопроизводства. Объем настоящей статьи не позволяет охарактеризовать их все, поэтому остановимся на наиболее, на наш взгляд, интересных проблемах.

Возможности применения криминалистики в любых видах правоприменительной деятельности постоянно повышаются, однако, по мнению ряда ученых пока остаются нереализованными в должной мере по ряду причин:

- недостаточная информированность правоприменителей, работающих в разных сферах юридической и практической деятельности о большом потенциале криминалистики, что частично является следствием

недоработки преподавания криминалистики в ВУЗах, выражающееся в акцентировании использования криминалистики только в уголовно-правовой сфере правоприменения;

- в условиях расширения круга правовых отношений в области экономики, развития и активизации кредитно-банковской, страховой и т.д. деятельности в среде юристов, ученых и практиков распространено мнение о малой полезности узкопрофессиональных знаний криминалистики для юристов, не связанных со сферой уголовного судопроизводства;
- популяризации идеи о невысокой полезности криминалистических знаний вне сферы уголовного судопроизводства способствуют и высказанные в криминалистической литературе спорные суждения о неюридической природе криминалистики [1, с. 80 – 81].

Однако, существуют и противоположные точки зрения. Например, один из авторитетных российских процессуалистов М.К. Треушников (МГУ) для достижения цели правомерного психологического воздействия одной стороны в гражданском процессе на другую рекомендует криминалистический метод внезапного использования заранее подготовленных доказательств, а также приемы снятия слепков со следов транспортных средств, фиксации следов пальцев рук и др. [19, с. 28; 166 – 168].

Также интересной и достаточно актуальной на наш взгляд является проблема невозможности использования в настоящее время ни в одном виде судопроизводств результатов проверки на полиграфе, в качестве доказательства наличия либо отсутствия устанавливаемого факта.

Первая проблема использования полиграфа – насколько являются объективными и точными проводимые с его помощью измерения. Данная проблема решается в технической плоскости – постоянное совершенствование процессов измерения приводит к усовершенствованию различных приборов, в том числе и полиграфа.

Второй проблемой использования результатов полиграфа является остающаяся спорность об однозначности толкования информации о причинах эмоциональных реакций и их изменений у испытуемого и квалификация специалиста, интерпретирующего результаты исследования. И хотя по статистике правильность выводов, сделанных на основе полиграфа, достигает вероятности 80-90%, все-таки ошибка в 10, а то и в 20% вероятности, по нашему мнению, достаточно велика, следовательно, законодательно разрешать принятие результатов такого исследования в качестве одного из доказательств в каком-либо виде судопроизводства пока преждевременно.

Так Верховный Суд в 2010 году указал, что психофизиологическое исследование (проверка на полиграфе) уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено, не является доказательством факта и не может представляться в качестве такового коллегии присяжных заседателей. Поэтому ссылки лица на то, что в деле отсутствуют сведения о ее допросе с использованием полиграфа, во внимание не принимаются [20]. Данную правовую позицию Верховный Суд подтвердил и в 2016 году [21].

Изучение судебной практики также показало, что гражданами предпринимались попытки оспорить в Конституционном Суде отсутствие в нормах УПК РФ возможности применения результатов исследования на полиграфе. Конституционный Суд в 2010 году зафиксировал, что статья 189 УПК РФ, регламентирующая общие правила проведения допроса, и статья 283 УПК Российской Федерации, определяющая лишь основания для назначения судебной экспертизы, порядок производства которой установлен главой 27 того же Кодекса, не регулируют использование полиграфа при проведении данных следственных действий; отсутствие положений о применении

детектора лжи в этих, равно как и в иных нормах уголовно-процессуального закона не может быть предметом рассмотрения Конституционного Суда [22]. Последующие попытки обращения в Конституционный Суд по вопросу возможности использования полиграфа также влекли отказ в рассмотрении жалоб по существу [23].

Однако, отсутствие в УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ правовых норм, предусматривающих возможность использования полиграфа во всех видах судопроизводств не означает отсутствия нормативного регулирования данного исследования. Так, например, еще в 1994 году была принята и является действующей Инструкция МВД России о порядке использования полиграфа при опросе граждан [24].

Интересно отметить, что положения указанной Инструкции, а также возможность использования полиграфа оценивалась ЕСПЧ в постановлении от 31.07.2012 по делу «Тягунова (Tyagunova) против России» (жалоба № 19433/07) в котором заявительница, в частности, утверждала, что расследование ее заявления об изнасиловании было неэффективным. Так в пункте 71 постановления ЕСПЧ отразил, что он усматривает многочисленные существенные недостатки в действиях следователей, которые были отмечены надзирающим прокурором. Никаких действий не последовало по результатам тестирования Р. на полиграфе, когда тестируемый показал наличие так называемых «виновных знаний» в отношении изнасилования заявительницы. В итоге ЕСПЧ в пункте 74 постановления пришел к выводу, что Россия как государство-ответчик не выполнила своих позитивных обязательств по проведению эффективного расследования и не обеспечило надлежащей защиты частной жизни заявительницы. Следовательно, имело место нарушение статей 3 и 8 Конвенции [25].

Из приведенного примера можно сделать вывод, что ЕСПЧ предполагает возможность, если не использования напрямую результатов исследования на полиграфе в уголовном процессе, то минимум дополнительную активность правоохранительных органов в результатах данного исследования.

Также нельзя обойти вниманием оценку заключения эксперта, в том числе, при проведении судебной экспертизы.

При этом ни один законодательный акт не раскрывает понятие «специальные знания». Однако, отнесение знаний к «общеизвестным», существенным образом зависит от образовательного и интеллектуального уровня конкретных субъектов, их жизненного и профессионального опыта.

Поэтому мы согласны с мнением ряда юристов относительно того, что в каждом конкретном случае необходимо проанализировать характер требуемых знаний и решить, являются ли они специальными или общеизвестными. Обращение к специалисту не может отрицательно повлиять на возможность установления истины по делу [26, с. 10; 13].

Остановимся на объективных экспертных ошибках, связанных с отсутствием разработанной и апробированной методики, несовершенстве используемой экспертной методики, применении методов, находящихся в стадии экспериментальной разработки, а также применении новых методик.

Так согласно статье 4 Федерального закона № 73-ФЗ от 31.05.2001 «О государственной судебно-экспертной деятельности» (далее – Закон № 73-ФЗ) государственная судебно-экспертная деятельность основывается, в том числе, на принципах всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

В статье 8 Закона № 73-ФЗ установлено, что эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Таким образом, возникает очередной проблемный вопрос, связанный с проведением экспертизы – кто, на основании чего и каким образом может объективно и достоверно оценить «строго» научную основу, а, особенно «общепринятость» научных и практических данных. Ведь ни в Законе № 73-ФЗ, ни в другом федеральном законодательстве, в том числе, процессуальном, нам не удалось найти хоть каких-нибудь конкретных правовых или технических критериев.

В связи с чем предлагаем в качестве подлежащих официальному закреплению в законодательстве следующих критериев «общепринятости», следующие:

- количество однородных экспертиз с одинаковыми результатами при прочих идентичных условиях в количестве не менее нескольких десятков;
- апробация экспертной методики в не менее чем 3-5 экспертных организациях;
- установление процента ошибки в экспертных исследованиях в пределах нескольких единиц и т.п.

В данной проблеме можно выделить вопрос внедрения и применения новых экспертных методик, которые заявляются разработчиками как более успешные и прогрессивные. При этом попытки такого внедрения в широкую судебную практику иногда встречают прямо-таки яростное сопротивление других экспертов, применяющих иные, устоявшиеся ранее методики, даже не столь эффективные, как заявляемые новые.

В ТКС «Интернет» удалось найти очень интересный пример попытки внедрения такой новой методики для исследования давности изготовления документов, которые являлись письменными доказательствами в ряде дел, рассматриваемых арбитражными судами. Так, в декабре 2011 года группой ученых под руководством к.и.н. Плетень О.И. был получен приоритет изобретения на «Методику определения давности создания объекта содержащего целлюлозу, посредством определения изменения свойств целлюлозы методом импульсной Ядерной Магнитно-Резонансной (ЯМР) спектроскопии» (далее также – Методика определения давности). 27.03.2013 был получен патент № 2478198. В основу методики легла многолетняя научная работа ведущих ученых Марийского Государственного Технического Университета [27, 28].

По данным сайта АНО «Консультационный центр «Поверенный» в результате проведенных НП «ПАЛАТА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ» исследований и экспериментов в рамках ее апробации, а так же изучения научной обоснованности вышеназванной методики, было выдано положительное заключение и методика рекомендована к применению в судебно-экспертных лабораториях. Востребованность данной методики обусловлена тем, что используемые иные способы определения давности написания рукописного текста обладают недостаточной точностью решения данного вопроса (до полугода), имеют ограниченный временной диапазон практического использования. Более того, ни один из известных способов определения давности, не решает вопрос в отношении печатного текста, нанесенного посредством применения копировальной техники и лазерного принтера. По новой методике точность определения давности - 30 дней, следовательно, временной диапазон практического использования - 30 дней.

Однако, внедрение новой методики для использования для судебных экспертиз наталкивается на серьезные препятствия иных лиц, в том числе, осуществляющих экспертную деятельность. Так, в Четвертый арбитражный апелляционный суд 08.06.2015 поступило внепроцессуальное обращение директора ООО «Ферро-Темп» (стороны по делу № А19-7936/2013) «о пресечении незаконной судебно-экспертной деятельности Плетень О.И.». В данном обращении в довольно резкой форме обосновывается невозможность применения Методики определения давности по патенту № 2478198 и содержится призыв к председателю данного апелляционного суда «Не допустить легализации в судебной практике незаконной судебно-экспертной

деятельности Плетень О.И, основанной на применении патента № 2478198», а также «Подготовить рекомендации для нижестоящих судов о допуске к проведению судебных экспертиз негосударственных судебных экспертов лишь при условии соответствия используемых ими методик критериям, установленным» в статье 8 Закона № 73-ФЗ [29].

При этом в настоящее время в арбитражных судах по стране сложилась противоречивое мнение о возможности применения Методики определения давности, запатентованной Плетень О.И. при назначении судебных экспертиз [30].

Из приведенного примера оценки эффективности и возможности применения новых методик по востребованным в любых процессах различных экспертиз, можно сделать вывод о том, что к таким экспертизам в течение достаточно продолжительного времени скептическое отношение у суда и лиц, участвующих в деле в силу их новизны и недостаточной апробированности и «общеизвестности», о чем указывалось выше.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с одной стороны активное использование криминалистических знаний в гражданском и арбитражном процессах приводит к минимизации ошибок и достижению целей эффективности и полноты исследования всех необходимых обстоятельств по делу. С другой стороны даже такие распространенные процессуальные действия как допрос свидетелей, назначение экспертизы, допрос эксперта, исследование письменных и вещественных доказательств и т.п., не взирая на возможность использования уже имеющихся криминалистических знаний, требуют дальнейшего совершенствования, в том числе и в правовой сфере.

1. Яблоков Н.П. Теоретические и практические аспекты применения данных современной криминалистики в правоприменительной и иной юридической деятельности // Законодательство. № 1. 2012. С. 80-84.
2. Жижина М.В. Возможность и актуальность применения криминалистических знаний и средств в гражданском процессе / Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития : коллективная монография / отв. ред. Е.П. Ищенко. – М.: Проспект, 2016. – 208 с.
3. Криминалистика : учебник / под ред. Н.П. Яблокова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 752 с.
4. Конституция Российской Федерации: офиц. текст // Рос. газ. – 2009. – 21 янв. – № 7.
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 304-КГ16-419 от 11.03.2016 // СПС «Консультант-Плюс».
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-КГ15-2779 от 20.04.2015 // СПС «Консультант-Плюс».
7. Постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда: от 02.02.2016 по делу № А44-5037/2015; от 23.06.2016 по делу № А66-2941/2015 // СПС «Консультант-Плюс».
8. Апелляционное определение Омского областного суда от 18.12.2013 по делу № 33-8320/2013 // СПС «Консультант-Плюс».
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.06.2016 № 1303-О// СПС «Консультант-Плюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.10.1996 № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов», п. 9. // СПС «Консультант-Плюс».
11. Постановление ЕСПЧ от 24.11.2005 по жалобе № 74826/01 // СПС «Консультант-Плюс».
12. Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. – М. : Городец, 2007. – 320 с.
13. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.03.2014 по делу № А66-16652/2013 // СПС «Консультант-Плюс».
14. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.09.2015, п. 3 // СПС «Консультант-Плюс».
15. Аверьянова Т.В. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Росинская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : Инфра-М, 2010. – 944 с.
16. Решение Арбитражного суда города Москвы от 11.08.2014 по делу № А40-114872/2012 // Электронный ресурс: <http://arb.consultant.ru/cgi/online.cgi?base=ASMS;n=825039;req=doc>.
17. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 01.06.2015 № 33-8533/2015 по гражданскому делу № 2-52/15 // СПС «Консультант Плюс».
18. Криминалистика. Полный курс : учебник для вузов / под общ. ред. А.Г. Филиппова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 855 с. – Серия : Бакалавр. Углубленный курс.

19. Треушников М.К. Судебные доказательства. Москва: – Городец, 2005. – 288 с.
20. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2014 № 66-АПУ13-85СП // СПС «Консультант Плюс».
21. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2016 № 4-АПУ16-37 // СПС «Консультант Плюс».
22. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.02.2010 № 196-О-О // СПС «Консультант Плюс».
23. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2016 № 711-О // СПС «Консультант Плюс».
24. Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан, утвержденная приказом МВД России № 437 от 28.12.1994 (Зарегистрирован в Минюсте России 06.01.1995, регистрационный номер 771) // Электронный ресурс: <http://docs.cntd.ru/document/9037963>.
25. Постановление ЕСПЧ от 31.07.2012 по жалобе № 19433/07 // СПС «Консультант-Плюс».
26. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. – 368 с.
27. Сайт Некоммерческого партнерства экспертных организаций «Кубань-Экспертиза»: <http://www.kubexp.ru>.
28. Сайт патентного поиска по международной патентной классификации: <http://www.freepatent.ru>.
29. Сайт Четвертого арбитражного апелляционного суда. Электронный ресурс: <http://4aas.arbitr.ru/sites/4aas.arbitr.ru/files/pdf/%D0%A0-12-15%20%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%BD%D0%BA%D0%BE-%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf>.
30. Сайт арбитражных судов Российской Федерации. Электронный ресурс: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/0cf0c1ee-d139-44da-a58f-15db2364167e/A19-11390-2010_20141204_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf. Там же: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/db4650de-63b7-46ed-9815-471f1940e816/A60-9614-2013_20150128_Opredelenie.pdf

Логвинова Е.В.

История становления и развития института принудительного исполнения в СССР

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, Белгород*

doi:10.18411/spc-20-06-2017-06

idsp: 000001:spc-20-06-2017-06

«Кто не знает своего прошлого - у того нет будущего» данный афоризм принадлежит историку В. О. Ключевскому. Смысл данной фразы заключается в том, что люди анализируя прошлое, делают определенные выводы, благодаря которым совершенствуют свою действительность.

Институт службы судебных приставов России имеет многовековую историю. Условно можно разделить деятельность судебных приставов на четыре исторических этапа: 1) времена древней Руси (до 1717 года); 2) дореволюционное время (до 1917 года); 3) советский период (до 1991 года); 4) современный период.

Перед тем как приступить к характеристике становления и развития института принудительного исполнения в СССР, кратко рассмотрим периоды.

Во времена Древней Руси, до XIII века, нарушенные права восстанавливались собственными силами, речь идет о самосуде. Должник был в полной власти кредитора. Для восстановления своего нарушенного права, кредитор мог даже применять в отношении должника силовые методы: бить прутьями по ногам, взять в рабство и т. д. Все эти действия имели легальный характер, т.к. были закреплены в своде законов - «Русская правда».

Первое упоминание о судебных приставах, датируемое 1270 годом, было обнаружено в соглашении между Великим Новгородом и Великим князем Ярославом Ярославичем. В нем прописывались обязанности судебных приставов, а именно: исполнение судебных решений, задержание (поймка) должников и привод их в суд.

«Судебник» [1], 1550 году и его заменившим в 1649 году «Соборное Уложение» [2], приставы стали являться государственными чиновниками, это означало, что

возможность иметь своих собственных (частных) приставов, сошла на нет, так как приставы были в непосредственном подчинении местной власти. При этом единой системы исполнения правосудия ещё не было.

При императоре Петре Первом исполнение судебных решений начинает выделяться в отдельный самостоятельный институт. В это время изменения коснулись и мер воздействия на должников, они стали гуманнее – вместо обращения в рабство теперь была каторга, а вместо причинения увечий прутотом – ссылка на галерные работы.

Первая половина XIX века не принесла никаких положительных тенденций в развитии института принудительного исполнения. Исполнение судебных решений было возложено на полицию. Из-за нехватки времени и человеческих ресурсов исполнение судебных решений затягивалось на долгие годы.

В 1864 году была проведена Судебная реформа, благодаря которой появились такие должности как судебные приставы.

После революции 1917 года, согласно идеологии о том, что весь царский режим нужно ликвидировать, судебная система и организация исполнения судебных решений которую мы знали в дореволюционный период были упразднены Декретом СНК РСФСР о суде №1 от 24 ноября 1917 года [3]. Исполнение судебных решений осуществлялось разными способами, это было связано с тем, что стали возникать новые органы исполнения судебных решений, в свою очередь их правовой статус регулировался местными властями. Исполнение от ныне входило в компетенцию и исполнителей и милиции, и исполкомов.

23 июня 1918 года наркомат юстиции РСФСР издает инструкцию «Об организации и действиях местных народных судов» [4], в которой говорится о скорейшем исполнении приговоров и решений суда. Но все нормативные правовые акты, принятые в 1918-1920 годах, не были направлены на изменение системы исполнения, она сложилась лишь после революции.

В 1922 году была проведена судебная реформа, благодаря которой появилось Положение о судеустройстве РСФСР (от 31 октября 1922 г.) в нем было регламентировано: кто является органами исполнения судебных решений, ими стали - исполнительные комитеты и милиция. С этого момента институт исполнения судебных решений можно считать полностью законодательно урегулированным. Но, к сожалению, правоприменительная практика не была единой и часто шла вразрез с законом.

Чуть позже в 1924 году в связи с принятием «Основ о судеустройстве Союза ССР и союзных республик» на территории всего государства восстановили единую систему органов исполнения судебных решений. Теперь органами исполнения судебных решений были судебные исполнители, решения которых подлежали немедленному исполнению. В 1925 году в ГПК РСФСР была внесена поправка, согласно которой решения судебных исполнителей должны были быть исполнены после вступления приговора суда в законную силу, а не немедленно как было раньше. Также появилась возможность приостановить исполнение при пересмотре дела, прокурором или председателем краевого суда. Появился институт поворота исполнения судебного решения благодаря которому можно было восстановить законные права и интересы ответчика, которые нарушены исполнением судебного акта.

В этот период появились новые требования, предъявляемые к гражданскому процессу. Поэтому стадия исполнения судебных решений заметно усложнилась. ГПК РСФСР пополнился новыми главами: «О несостоятельности частных лиц, физических и юридических», «О несостоятельности государственных предприятий и смешанных акционерных обществ» и «О несостоятельности кооперативных организаций» [5], это было сделано для того чтобы систематизировать стадию гражданского процесса-исполнительное производство. Но это не помогло привести в порядок и избавиться от неразберихи в исполнении судебных решений, потому что полномочия и функции судебных исполнителей повторяли функции и полномочия органов милиции.

Только в 1930 году, милицию освободили от исполнения судебных решений в связи с Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 25 мая 1930 года [6]. Теперь эта обязанность принадлежала только судебным исполнителям. Теперь упразднялась система поощрительного вознаграждения, судебные исполнители теперь имели фиксированный оклад.

Если проанализировать нормативно-правовые акты, которые были приняты в период 30-х годов, то можно предположить, что государство не имело четкого представления в каком направлении развивать институт исполнительного производства. Исполнение судебных решений было на очень низком уровне, поэтому было принято решение создать централизованную систему исполнительного производства.

В связи с этим, в 1938 году, был принят закон о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик в котором были статьи касающиеся исполнения судебных решений. В соответствии с данным законом был усилен контроль над исполнительным производством со стороны Наркомюста СССР. Теперь судебные исполнители состояли при народных, окружных, краевых, областных судах, судах автономных союзных республик и назначались Народным Комиссаром юстиции республики, а в автономных республиках – Народным Комиссаром юстиции автономной республики.

В после военный период совершенствованию и укреплению института принудительного исполнения стало уделяться пристальное внимание, так как по известным причинам возникли глобальные проблемы с исполнением судебных решений. Из-за систематических жалоб населения о неисполнении судебных решений, Минюст СССР издало наставление «О работе с кадрами судебных исполнителей».

В 1955 году в связи с изданием указа Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения судебных исполнителей» [7] были ликвидированы должности при судах (за исключением народных судов). Теперь их назначением занималось управление Министерства юстиции при областных (краевых) Советах депутатов трудящихся при представлении народных судей, в союзных и автономных республиках - само Министерство Юстиции.

Но данный порядок просуществовал недолго и в 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР издает указ «О расширении прав краевых, областных судов и упразднении управлений Министерства юстиции при краевых, областных Советах депутатов трудящихся» [8]. Теперь опять суд становится ответственным за исполнение решения, которое он вынес, т.к. назначает на должности судебных исполнителей народные судьи и председателями районных судов. Прекращение и приостановление исполнения решений входят в компетенцию суда. Народный судья выполнял надзорные функции по отношению к судебному исполнителю. Например, если при рассмотрении жалоб будет установлено, что вызваны они были деяниями выше упомянутого лица, то судья был вправе применить меры дисциплинарного взыскания вплоть до увольнения.

В 1964 году в ГПК РСФСР появилась новелла, суть ее была в том, что при наличии обстоятельств, которые ставят под сомнение беспристрастность судебного исполнителя у взыскателя и должника появилось право заявлять отводы. (ст.ст.18 и 350 ГПК РСФСР).

Следующая реформа, которая затрагивала исполнительное производство, была произведена в 1971 году Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в законодательство СССР в связи с образованием союзно-республиканского Министерства юстиции СССР» [9]. Отныне судебные исполнители назначались начальниками отделов Министерства Юстиции, исполкомами областных, краевых, городских Советов депутатов трудящихся, министрами юстиции автономной республики, министрами союзных республик, которые не имели областного деления. Эта система стала единой на всей территории СССР.

Последующие законодательные акты не затрагивали институт принудительного исполнения в целом. Порядок назначения и структура органов принудительного

исполнения судебных решений практически оставались без изменения в течении всего советского периода.

Таким образом, подводя итог указанному выше периоду можно сделать вывод о том, что судебные исполнители подчинялись и суду, и Министерству Юстиции. Суд выполнял надзорные функции, которые больше подходили по смыслу административным органам. Не смотря на то, что в тот период все сферы любых отношений и деятельности были подвержены жесткому контролю, данная система не смогла обеспечить надлежащую эффективность исполнения решений суда. Это было связано с тем, что у суда была большая загруженность, нехватка времени и сил, а органы юстиции не имели достаточных полномочий для оказания влияния на судебную власть.

Стоит добавить, что главной проблемой при поиске оптимальной системы исполнения судебных решений во все времена являлся вопрос о соотношении судебной власти и органов исполнения. Проанализировав законодательство, стало ясно, что данный вопрос в разные периоды истории решался по-разному. От наделения судебными функциями административные органы до передачи в руки суда административные функции по исполнению судебных решений.

Что касается современного периода, то в 1997 году вступили в законную силу два важных федеральных закона: «О судебных приставах» [10] и «Об исполнительном производстве» [11] Тем самым был сделан первый шаг к возрождению традиционного для российской правовой системы института судебных приставов. Функции судебных приставов значительно расширились, получили процессуальную самостоятельность. Служба судебных приставов принадлежит к системе Министерства Юстиции РФ. Появилась должность – Главный судебный пристав РФ, которые возглавляет службу судебных приставов и по совместительству является заместителем министра Юстиции РФ. Главный судебный пристав РФ несет персональную ответственность за осуществление возложенных на ФССП полномочий [12].

Численность штата судебных приставов заметно увеличилась. По состоянию на 1999г. она составляла 17 тыс. человек, в 2003г. – уже 40 тыс., в 2016 году численность штата составляла 75 000 человек. Но на сегодняшний момент в 2017 году численность штата составляет 73 919 единиц (без персонала по охране и обслуживанию зданий), в соответствии с указом Президента РФ В. В. Путина.

Одной из проблем, создающих препятствие к достижению поставленных целей перед службой судебных приставов, нужно отметить низкий уровень общего экономического состояния России, отсутствие упорядоченной правовой регламентации отношений по принудительному исполнению решений судов и иных органов, высокий уровень правового нигилизма, недостаточное финансирование деятельности службы.

Еще одну проблему, которую нужно решить службе судебных приставов – дальнейшее развитие конструктивного взаимодействия с судебским корпусом и повышение эффективности обеспечения установленного порядка деятельности судов.

Проблема кадрового обеспечения службы судебных приставов сегодня весьма актуальна. Необходимо усердно работать над формированием полноценного корпуса судебных приставов. Часто исполнение судебных решений производят люди, не имеющие юридического образования, опыта данной работы. Нужно повышать уровень квалификации судебных приставов.

Решение вышеизложенных проблем с учетом богатейшего отечественного опыта, позволит выйти на новый уровень в процессе создания отлаженной и надежной системы исполнительного производства в России Федерации.

1. СУДЕБНИК 1550 г. Перевод В.Б. Цыганова.
2. Соборное уложение 1649 года. Перевод М.Н.Тихомиров, П.П.Епифанов. М., Изд-во Моск. ун-та, 1961.

3. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 "О суде"// Официальный сайт компании "КонсультантПлюс" <http://www.consultant.ru/> - 31.05.2017.
4. [Электронный ресурс] : <http://istmat.info/node/30669>
5. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 28.11.1927 "О дополнении Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. главой 37// Правовая Россия.
6. Постановления Президиума Верховного Суда РСФСР от 25 мая 1930 г.// Официальный сайт компании "КонсультантПлюс" <http://www.consultant.ru/> - 31.05.2017.
7. Президиум Верховного Совета СССР Указ от 30 апреля 1955 года «О порядке назначения судебных исполнителей» // Правовая Россия.
8. Указ Президиума ВС СССР от 04.08.1956 «О расширении прав краевых, областных судов и упразднении управлений министерств юстиции союзных республик при краевых, областных советах депутатов трудящихся».
9. Указ Президиума ВС СССР от 12.08.1971 N 2013-VIII "О внесении изменений и дополнений в законодательство СССР в связи с образованием союзно-республиканского Министерства юстиции СССР"// Правовая Россия.
10. Федеральный закон "О судебных приставах" от 21.07.1997 N 118-ФЗ//Официальный сайт компании "КонсультантПлюс" <http://www.consultant.ru/> - 31.05.2017.
11. Федеральный закон от 21 июля 1997 года N 119-ФЗ "Об исполнительном производстве"//Официальный сайт компании "КонсультантПлюс" <http://www.consultant.ru/> - 31.05.2017.
12. Указ Президента РФ от 13.10.2004 N 1316 (ред. от 15.12.2016) "Вопросы Федеральной службы судебных приставов" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Официальный сайт компании "КонсультантПлюс" <http://www.consultant.ru/> - 31.05.2017.

Николаев А.Г., Пестов Н.Н.
О мерах по противодействию распространению
в сети «интернет» запрещенной информации

Россия, Москва

doi:10.18411/spc-20-06-2017-07

idsp: 000001:spc-20-06-2017-07

В современном мире информация приобретает различные формы своего выражения. Технологии распространения и предоставления ее в едином информационном пространстве, корректируют не только деятельность человека, но и изменяют его личное сознание, ускоряют отдельные социальные процессы, вносят изменения в механизмы правового регулирования публичных правоотношений.

Получаемая информация может быть различного характера, как познавательной, так и направленной на совершение действий стоящих под запретом государства. В связи с этим в отдельных случаях необходимо определить источник распространения информации, для его пресечения и привлечения к ответственности «распространителя». Определение источника распространения информации это технологически достаточно сложный механизм, кроме того, источников информации, распространяемой посредством технологий, может быть большое количество. Примером могут служить Ddos-атаки, используемые как механизм вывода из работоспособного состояния серверов при ведении информационной войны, и другие незаконные мероприятия, направленные на информационное блокирование или изменение содержания информации [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**,с.4].

Говоря о «киберпреступлениях», в основном выделяют две категории лиц, совершающих подобные деяния. Это лица, взламывающие электронные ресурсы индивидуально, так называемые одиночки. Вторая категория – это организованные преступные группы, часто интернационального состава, предлагающие широкий спектр криминальных «услуг» – от «взлома» ящиков электронной почты или аккаунтов в соцсетях до массированных DdoS-атак и хищения денежных средств с банковских счетов [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**,с.47-52].

Технологии влияют и на территориальный признак подсудности. Этот признак применяется для определения места совершения юридического факта. Однако для отношений, возникших в глобальной сети, его применение стало затруднительным, и на его место пришел другой термин – «трансграничность».

В связи с трансграничностью сети «Интернет» отношения, возникающие в «сети», также являются трансграничными, так как одновременно могут затрагивать интересы и права лиц, имеющих доступ в «сеть».

Имеются примеры демонстрирующие охват лиц, находящихся в различных национальных сегментах сети «Интернет», для этого активно применяются технологии, основанные на принципе распределенности, создающие возможность подключения технологических вычислительных возможностей, размещенных на территории различных государств. Распределенные системы породили разного рода вопросы о возможном правовом регулировании отношений. К таким технологиям относятся пиринговые сети (эта же сеть носит название «одноранговая, децентрализованная сеть» - от англ. Peer-to-peer, P2P - равный к равному, основанная на равноправии участников, такая организация позволяет сохранять работоспособность сети при любом количестве и любом сочетании доступных узлов)[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], криптовалюты[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], тор-протоколы (свободное программное обеспечение для реализации «луковой маршрутизации», позволяющее устанавливать анонимное сетевое соединение), анонимные сети (компьютерные сети, работающие на следующем уровне от сети «Интернет»). Использование данных технологий ставит вопросы об анонимности субъектов, правосубъектности лиц, территориальном признаке подсудности и возможностях правового регулирования отношений, возникших посредством использования разных технологий.

Проблемные зоны правового регулирования указывают на необходимость обращения внимания на источники, вызывающие такие проблемы, и демонстрирующие нестыковки правового видения с действительностью, происходящей в информационной телекоммуникационной среде.

Для реализации возникающих проблем, положительным моментом является создание в Российской Федерации с целью обеспечения безопасного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации сегмента сети «Интернет», которому присвоено имя RSNet (Russian State Network)[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Обеспечение эксплуатации, а также поддержание и развитие сегмента RSNet возложено на ФСО России.

Продолжающееся стремительное развитие информационных технологий заставило современное поколение детей и подростков столкнуться с принципиально новыми угрозами. Взросление, обучение и социализация детей проходят в условиях гиперинформационного общества. Процесс социализации через традиционные институты (семьи, школы) все активнее дополняется средствами массовой информации и массовых коммуникаций, особенно информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет», выходя на первый план институтов социализации, образования и просвещения нового поколения, и в определенной мере замещая традиционно сложившиеся формы познания. Главным образом это происходит в тех случаях, когда родители (законные представители) в семье отстраняются от своих обязанностей по воспитанию и развитию детей и перекалывают их на внешних игроков[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], которые и начинают «подпитывать» несовершеннолетних информацией запрещенной к распространению в силу специфического характера.

В 2013 г. с целью предотвращения распространения «вредной» информации был принят совместный приказ отдельных федеральных органов исполнительной власти, направленный на решение проблемы определения содержания информации[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Данный приказ раскрывает специфику такой информации, как суицид, наркотики и детская порнография, и определяет критерии, используя которые возможно четко понять, к какой из категорий относится та или иная информация.

В последующем Минобрнауки России подготовило методические рекомендации по ограничению в образовательных организациях доступа обучающихся к видам информации, распространяемой посредством сети «Интернет», причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, а также не соответствующей задачам образования[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. В них разъяснено, что в соответствии со ст. 6.17 Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] (далее – КоАП РФ) руководитель образовательной организации несет ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию. Вместе с тем Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] не определяет ответственность поставщиков системы контентной фильтрации (далее – СКФ) за ненадлежащее оказание услуги по ограничению доступа обучающихся к видам информации, распространяемой посредством сети «Интернет», причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, а также не соответствующей задачам образования. В связи с этим рекомендуется в договоре, заключаемом с поставщиком СКФ, указывать ответственность и обязательства поставщика СКФ в виде компенсации понесенного ущерба за ненадлежащее оказание услуги.

Приказом Минкомсвязи России от 16.06.2014 № 161 утверждены требования к административным и организационным мерам, техническим и программно-аппаратным средствам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В последнее время возрос спрос со стороны пользователей сети «Интернет» на фильтрацию контента, оказывающего негативное воздействие на детей, ведущие операторы связи (ОАО «Вымпелком», ОАО «МТС» и др.), а также поисковые интернет-компании (ООО «Яндекс», ООО «Гугл») проводят самостоятельную работу по обеспечению безопасности в сети «Интернет» – услуги по фильтрации нежелательного контента. Разрабатываются технические решения по обеспечению безопасного доступа детей к сети «Интернет» – контентные фильтры «родительского контроля», то есть программы, позволяющие родителям ограничить доступ ребенка к сайтам с нежелательным контентом. В настоящее время, такие программы есть как в платном, так и в бесплатном доступе.

На Пленуме Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. №16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] были даны разъяснения, что сайты в сети «Интернет» не подлежат обязательной регистрации как СМИ. Это означает невозможность привлечения лиц, осуществляющих распространение массовой информации через сайты в сети «Интернет», к ответственности за изготовление или распространение продукции незарегистрированного СМИ или применения к ним иных норм законодательства о средствах массовой информации, в том числе и те нормы, которые не допускают использование СМИ для злоупотребления свободой массовой информации.

Если на сайтах в сети «Интернет», не зарегистрированных в качестве СМИ, распространена информация, запрещенная к распространению, то лица, допустившие нарушения закона, должны нести уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации без учета особенностей, предусмотренных законодательством о средствах массовой информации [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Установлен порядок взаимодействия оператора реестра нарушителей прав субъектов персональных данных (далее – реестр) с провайдером хостинга. В случае устранения нарушений законодательства Российской Федерации в области персональных данных и (или) ограничения доступа к сайту в сети «Интернет», включенному в реестр, провайдер хостинга может направить оператору реестра соответствующее обращение об исключении информации из реестра. В обращении должен быть указан способ устранения нарушений законодательства Российской Федерации в области персональных данных или ограничения доступа к запрещенной информации. К обращению должны прилагаться документы, подтверждающие устранение нарушений законодательства Российской Федерации в области персональных данных или ограничение доступа к сайту в сети «Интернет» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В сети «Интернет» продолжается распространяться информация негативного характера. К примеру, в 2016 году в следственные органы поступило 1635 сообщений о суицидах несовершеннолетних. В результате самоубийства «ушли из жизни 720

детей, в целом за последние три года совершили суицид 2205 детей». При установлении причин и условий совершения суицидов среди несовершеннолетних: «речь идет об организованной преступной деятельности, прослеживается высокопрофессиональная деятельность, отточенная по алгоритмам, по последовательности, по срокам действия и достижения разрушительного влияния на психику ребенка». Как отметила депутат Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации Ирина Яровая: «фактически совершается дистанционное убийство»[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Яровой И.А. предложен законопроект об уголовной ответственности для создателей «групп смерти» в социальных сетях, а также игр и активностей вроде модного увлечения среди подростков «зацепинга – катания на крышах пригородных электричек»[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], предполагающих риск для их жизни.

Несмотря на существующий порядок рассмотрения запросов о наличии запрещенной информации по доменному имени и (или) указателю страницы сайта в сети «Интернет», а также принятия решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети «Интернет», а также сетевых адресов в единый реестр, в отношении информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства[**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], установленный правовой механизм в надлежащей мере не работает.

В настоящее время все же сформирована достаточно эффективная нормативно-правовая база, регламентирующая нормы в сфере борьбы с различными видами преступлений, во всех субъектах Российской Федерации созданы и действуют специализированные подразделения в МВД России, имеющие в своем составе высококвалифицированные кадры. На постоянной основе осуществляется взаимодействие с ведущими учебными заведениями, готовящими IT-специалистов. Благодаря взаимодействию с профильными ВУЗами и центрами компьютерного обучения в плановом режиме организовано систематическое обучение сотрудников на специальных курсах. В этих целях осуществляется взаимодействие МВД России и с бизнес-структурами, в частности, с ЗАО «Лаборатория Касперского», на базе которой уже многие годы специалистами Лаборатории проводятся практические занятия (тренинги). На занятиях рассматриваются реальные сетевые инциденты, разъясняются различные способы выявления и нейтрализации угроз информационной безопасности. На протяжении последних лет МВД России начало выпускать брошюры «Управление «К» предупреждает», в которых информировали пользователей электронных сервисов о возможных угрозах, стандартных уловках злоумышленников, а также мерах, позволяющих минимизировать риски при работе в киберпространстве. Данные памятки распространялись как в бумажном, так и в электронном виде на сайте МВД России и ряде других ресурсов [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Интересно мнение, в данной сфере рассматриваемых правоотношений, с которым согласны авторы статьи, указанное в научной статье Рыдченко К.Д., предложившего в целях дальнейшего обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних, внести следующие отдельные изменения в действующее законодательство так и не реализованные по настоящее время: [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с.16-21.]

1. Дополнить ст. 2 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» определением: «... информация, отрицающая семейные ценности, – информация, оправдывающая заключение однополых браков и воспитание детей в таких семьях, аборты, уклонение от выполнения обязанностей родителей и злоупотребление родительскими правами, жестокое обращение с детьми, отказ взять своего ребенка из родильного дома, иной медицинской организации, воспитательного учреждения, учреждения социальной защиты населения или из аналогичных организаций»;

2. Дополнить главу 6 КоАП РФ статьей, предусматривающей ответственность за оборот среди несовершеннолетних информации, побуждающей к причинению вреда своему здоровью или самоубийству. Этот состав должен рассматриваться как специальный по отношению к ст. 6.17 КоАП РФ и предусматривать более строгие санкции.

Все вышеизложенное в комплексном подходе позволит улучшить и более эффективно применять меры по противодействию распространению в сети «интернет» запрещенной информации.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2017). Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
2. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, № 1, ст. 48.
3. Распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей». Собрание законодательства РФ, 07.12.2015, № 49, ст. 7055.
4. Приказ Роскомнадзора № 1022, ФСКН России № 368, Роспотребнадзора № 666 от 11 сентября 2013 г. «Об утверждении критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // СПС «Гарант».
5. Приказ Роспотребнадзора от 09.11.2012 № 1085 «О порядке рассмотрения запросов о наличии запрещенной информации по доменному имени и (или) указателю страницы сайта в сети «Интернет», а также принятия решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети «Интернет», а также сетевых адресов в единый реестр, в отношении информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства». Российская газета, № 284, 10.12.2012.
6. Приказ Минкомсвязи России от 16.06.2014 № 161 «Об утверждении требований к административным и организационным мерам, техническим и программно-аппаратным средствам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Российская газета, № 187, 20.08.2014.
7. Приказ Роскомнадзора от 22.07.2015 № 84 «Об утверждении Порядка взаимодействия оператора реестра нарушителей прав субъектов персональных данных с провайдером хостинга и Порядка получения доступа к информации, содержащейся в реестре нарушителей прав субъектов персональных данных, оператором связи». Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 44, 02.11.2015.
8. Приказ ФСО России от 07.09.2016 № 443 «Об утверждении Положения о российском государственном сегменте информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Российская газета, № 242, 26.10.2016.
9. Письмо Минобрнауки России от 28.04.2014 № ДЛ-115/03 «О направлении методических материалов для обеспечения информационной безопасности детей при использовании ресурсов сети Интернет».
10. Официальный сайт Минкомсвязи России www.minsvyaz.ru, 15.09.2016. «Можно ли привлечь к ответственности распространителей информации, запрещенной к распространению на сайтах в сети Интернет?»
11. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2010.
12. Васильев Ф.П., Николаев А.Г. Сущность и необходимость совершенствования обеспечения транспортной безопасности и вопросов образования в России и их административно-правовое регулирование. Наука и мир: международный научный журнал, № 5(33), 2016, Том 2. С. 182-188.
13. Гринберг Э. Криптоденьги // <http://forbes.ua/magazine/forbes/1332478-kriptodengi>.
14. Жарова А.К. «Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере»: Монография, «Янус-К», 2016. С.4.
15. Машков А.Н. «Новые информационные угрозы требуют идти в ногу со временем». Вопросы кибербезопасности № 3(4), 2014. С.47-52.
16. Рыдченко К.Д. Запрещенная для детей информация: легальная трактовка и толкование правоприменителя // Информационное право. 2014. № 5. С.16 - 21.
17. <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
18. <https://nation-news.ru/249782-yarovaya-pro-gruppy-smerti-v-socsetyah-my-stolknulis-s-novoi-formoi-prestupleniya>.

Осипов И.В.

Возможность эффективной защиты экономических интересов как фактор социальной обусловленности уголовно-правовых мер воздействия в сфере экономической деятельности

*Академия управления МВД России
Россия, Москва*

doi:10.18411/spc-20-06-2017-08

idsp: 000001:spc-20-06-2017-08

За правонарушения в сфере экономической деятельности наряду с уголовной ответственностью установлены также административная, налоговая и гражданско-правовая ответственность. Имеющийся арсенал средств защиты экономических отношений, на первый взгляд, вызывает некоторые сомнения в необходимости применения мер уголовно-правового воздействия и добавляет уверенности в возможном эффективном противодействии правонарушениям в сфере экономики посредством применения иных более мягких мер.

Однако ошибочность данного представления прослеживается уже при первом изучении возможностей средств защиты каждой из юрисдикций. Безусловно, КоАП РФ [1] и Налоговый кодекс РФ [2] содержат в себе значительное количество запретов, схожих по диспозиции уголовно-правовыми нормам главы 22 УК РФ [3]. Из сопоставительного их анализа видно, что сферы действия диспозиций административных и налоговых запретов значительно шире, чем у уголовно-правовых норм. В них значительно расширены видовое разнообразие правил надлежащего поведения в сфере экономики, урегулированных нормами данных отраслей права, а также субъектный состав.

К примеру, диспозиция административной нормы, предусмотренной ст. 14.32 КоАП РФ [1], значительно шире, чем у уголовно-правовой нормы – ст. 178 УК РФ [3], также предусматривающей ответственность за ограничение конкуренции. Согласно диспозиции ст. 14.32 КоАП РФ в отличие от схожей уголовно-правовой нормы под ее действие подпадает не только заключение между хозяйствующими субъектами картеля, но и любого недопустимого соответствия с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения, «вертикального» соглашения, а также недопустимая координация экономической деятельности и осуществление согласованных действий. Кроме того, разнообразен субъектный состав за счет включения в их число юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления [1,3].

Вместе с тем административные нормы, регулируя достаточно широкий круг общественных отношений в сфере экономики, берут последних под защиту от посягательств, в которых противопоставление субъекта обществу с учетом характера и масштабов выражены не столь значительно, чтоб причинить существенный вред экономическим интересам государства и иных хозяйствующих субъектов. Как правило, подобного рода посягательства обладают меньшей совокупностью негативных свойств, выражающих их антисоциальную направленность, и требуют дифференцированного применения менее репрессивных мер реагирования. Например, нельзя сравнивать антисоциальную направленность неисполнения требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, предусмотренного ст. 15.27 КоАП РФ [1], с самой легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, ответственность за которую закреплена в ст.ст. 174, 174.1 УК РФ [3].

В отличие от административных уголовно-правовые нормы под свою охрану берут исключительно ограниченный круг общественных отношений, представляющих наивысшую ценность для общества. Уголовная ответственность за правонарушения, посягающие на регламентированные позитивным правом отношения, является крайней мерой государственного регулирования в связи с невозможностью применения в данных случаях средств неуголовного характера.

Уголовно-правовые нормы в совокупности административными и налоговыми образуют своеобразную систему, обеспечивающую действенный механизм защиты экономических отношений, в котором каждый элемент выполняет определенные защитные и охранительные функции. Указанные отрасли, являясь подсистемами общей системы, взаимодействуют друг с другом, в ходе которого особое значение отводится межотраслевым институтам. В рассматриваемом аспекте нельзя не согласиться с мнением Богданова А.В., который считает, что наиболее эффективную взаимосвязь между отраслями права в вопросах применения норм позволит более широкое использование института преюдиции [4]. Говоря иными словами, весьма сомнительно, что только одними административными мерами возможно обеспечить эффективную защиту экономических отношений.

Несомненно, меры административного воздействия имеют некоторые преимущества над уголовно-правовыми в части реализации своих норм. Так, процедура их применения носит существенно упрощенный порядок, не требует значительных временных и трудовых затрат как в уголовном судопроизводстве и позволяет оперативно реагировать на нарушения в сфере экономической деятельности. Однако нормы административной и налоговой ответственности применимы только за «мелкие» нарушения, поскольку являются явно недостаточными и неспособными адекватно отразить с точки зрения качественной и количественной характеристик общественную опасность посягательств, причиняющих существенный вред наиболее значимым ценностям и интересам государства и общества. Например, как можно соразмерно оценить административными санкциями антисоциальную сущность легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенным преступным путем, совершаемой прямым умыслом, при котором происходит явное противопоставление нарушителя обществу, его устоям и правилам поведения? Представляется, никак, поскольку неблагоприятные последствия для нарушителя должны соответствовать характеру и степени его посягательства на общественные отношения и разрушительных его качеств сложившейся структуры социальных связей. Аналогичная ситуация наблюдается по иным правонарушениям, также подпадающим по действие норм главы 22 УК РФ [3].

Кроме того, в рамках применения мер административного воздействия значительно ограничены ресурсы обеспечения эффективной защиты экономических отношений. Административное производство не располагает возможностями оперативно-розыскной деятельности [5] и высоким потенциалом уголовно-процессуальной деятельности [6], обеспечивающим реализацию уголовно-правовых норм. Учитывая, что посягательства на общественные отношения, охраняемые главой 22 УК РФ, совершаются таким изощренными методами и способами, сопровождаемыми высокой конспирацией, сокрытием следов под видом легитимной деятельности, одними только административными мерами, реализуемыми в ходе осуществления контрольно-надзорных функций органами государственной власти, не прибегая возможностям оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, не обойтись, так как только последние в состоянии обеспечить эффективное противодействие им и тем самым реализовать охранительную функцию уголовно-правовых норм главы 22 УК РФ.

Затрагивая вопрос о гражданско-правовой ответственности, следует отметить, что она носит исключительно праввосстановительный характер, направлена на приведение гражданско-правовых отношений в исходное состояние, в котором они находились бы в соответствии с требованиями закона. Для защиты своих прав гражданско- и арбитражно-процессуальными средствами хозяйствующему субъекту, экономические интересы которого нарушены, необходимо предъявить иск другому такому легитимному субъекту [7,8]. Однако довольно часто экономические правонарушения совершаются субъектами, осуществляющими свою деятельность нелегитимно, извлекая существенные доходы и причиняя материальный вред иным субъектам. Выявить таких лиц и пресечь их незаконную деятельность добросовестным хозяйствующим субъектам затруднительно либо практически невозможно без деятельности правоохранительных органов. В этой связи представляется, что наиболее эффективная реализация гражданско-правовой ответственности возможна при оптимальном сочетании с уголовной ответственностью за соответствующие

правонарушения, то есть уголовная и гражданско-правовая ответственность должны применяться одновременно, солидарно. И это не влечет за собой нарушения принципа справедливости о невозможности ответственности дважды за одно деяние, поскольку рассматриваемые юрисдикции имеют различные цели применения.

Таким образом, резюмируя вышеисследованное, следует заключить, что административно- и гражданско-правовые меры воздействия в сфере экономики не в состоянии заменить уголовно-правовые и обеспечить надлежащую защиту общественных отношений в сфере экономики, и потому данное обстоятельство наряду с иными факторами социального, политического, экономического характера обуславливает внутреннюю необходимость и общественную потребность в уголовно-правовой охране наиболее значимых отношений в сфере экономической деятельности, представляющих наивысшую ценность для государства, общества и гражданина.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.06.2017) // Российская газета от 27.07.2002 г., № 137.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // Собрание законодательства РФ от 03.08.1998 г., № 31. ст. 3824.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // Собрание законодательства РФ от 17.06.1996 г., № 25. ст. 2954.
4. Богданов А.В. Преюдиция в системе права России // Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции «Научные тенденции: Юриспруденция» 20 мая 2017 г. – М.: Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2017. – С. 4-6.
5. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ от 14.08.1995 г., № 33. ст. 3349.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2017) // Российская газета от 22.12.2001 г., № 249.
7. Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // Российская газета от 27.07.2002 г., № 137.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Российская газета от 08.12.1994 г. № 238-239.

Самойлюк Н.В.

К вопросу о юридическом анализе нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств

*Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Россия, Хабаровск*

doi:10.18411/spc-20-06-2017-09

idsp: 000001:spc-20-06-2017-09

Необходимость исследования проблемы уголовной ответственности за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта связана с рядом факторов: потребностью регулярного обеспечения законности при расследовании преступлений; потребностью теоретического обеспечения положений уголовного законодательства и единообразного подхода к практике применения норм в рассматриваемой сфере.

Непосредственным объектом состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, является безопасность дорожного движения и эксплуатации указанных в диспозиции транспортных средств. Дополнительным непосредственным объектом в ч.1, 2 ст. 264 УК РФ является здоровье человека; в ч. 3-6 ст. 264 УК РФ – жизнь.

Предметом исследуемого преступления согласно законодательной конструкции диспозиции статьи является автомобиль, трамвай либо другое механическое транспортное средство.

Под другими механическими транспортными средствами, согласно примечанию к статье, понимаются трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право.

Вообще самоходная машина – это машина, предназначенная для выполнения каких-либо операций, связанных с трудовой и иной деятельностью, оснащённая двигателем.

Объективная сторона основного состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ выражена в 1) общественно опасном деянии в форме действия или бездействия, а именно нарушении субъектом преступления правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, 2) общественно опасном последствии – причинении тяжкого вреда здоровью человека и 3) причинной связи между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием.

Законодательная конструкция рассматриваемой статьи носит бланкетный характер, то есть, чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности, во-первых, необходимо выяснить, какие именно правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицо нарушило.

Во-вторых, характеризуя объективную сторону рассматриваемого состава преступления, отметим, что нарушения правил, должны совершаться в обстановке дорожного движения при управлении транспортным средством, а также его эксплуатации.

Под дорогой понимается обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения. Дорога включает в себя одну или несколько проезжих частей, а также трамвайные пути, тротуары, обочины и разделительные полосы при их наличии. Таким образом, случаи, повлекшие указанные в диспозиции последствия, хотя и совершенные при вождении или эксплуатации транспортных средств вне дорог, а также эксплуатация транспортных средств вне рамок правил дорожного движения, должны квалифицироваться не по ст. 264 УК РФ, а по иным статьям УК РФ.

На это указывает и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 22 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 ”О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения”». Так согласно указанного Пленума, действия водителя транспортного средства, повлекшие указанные в статье 264 УК РФ последствия не в результате нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, а при ремонте транспортных средств, производстве погрузочно-разгрузочных, строительных, дорожных, сельскохозяйственных и других работ, должны квалифицироваться по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за преступления против жизни и здоровья либо за нарушение правил при производстве работ или требований охраны труда. При этом отметим, что в ранее действующей редакции Постановления от 9 декабря 2008 г. № 25 Пленум разъяснял, что также должны квалифицироваться и действия указанных лиц в результате управления автотранспортным средством вне дороги.

Общественно-опасные последствия, в виде причинения тяжкого вреда здоровью человека (ч.1, 2 ст. 264 УК РФ), смерти человека (ч.3, ч.4 ст. 264 УК РФ), смерти двух и более лиц (ч.5, 6 ст. 264 УК РФ) должны толковаться также как в преступлениях против жизни и здоровья. Причинение тяжких последствий двум и более лицам при нарушении правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, должны квалифицироваться в зависимости от обстоятельств дела по ч.1, 2 ст. 264 УК РФ.

Причинение указанных последствий водителю, а также причинение вреда имуществу находятся вне рамок анализируемого преступления.

Установление причинной связи между деянием и последствиями является обязательным условием привлечения к уголовной ответственности. В рассматриваемом преступлении установление причинной связи является наиболее сложным вопросом, возникающим перед правоохранительными органами. При установлении причинной

связи необходимо учитывать как объективные так и субъективные факторы, например, скоростной режим, технические характеристики транспортного средства, дорожные и метеорологические условия, дорожную обстановку перед дорожно транспортным происшествием, поведение водителя до и во время дорожно транспортного происшествия.

Так, Кимовский городской суд установил наличие причинной связи между деянием и последствиями Н.И.М., и признал его виновным в совершении преступления по ч. 3 ст. 264 УК РФ, при следующих обстоятельствах. Н.И.М., управляя технически исправным легковым автомобилем «Рено Флюенс» («RENAULT FIUENCE») в светлое время суток следовал по мокрому заснеженному дорожному покрытию проезжей части 30-го километра автодороги Кимовск – Епифань – Куликово поле – Кресты Кимовского района Тульской области при этом перевозил с собой в качестве пассажира А. Двигаясь по указанному участку дороги Н.И.М. проявил невнимательность к дорожной обстановке, не выбрал безопасную скорость дорожного движения с учетом состояния дорожного покрытия и метеорологических условий в виде природных осадков из мокрого снега, потерял контроль над управлением транспортного средства и на 30-м километре указанной автодороги Кимовск – Епифань – Куликово поле – Кресты Кимовского района Тульской области выехал на полосу встречного движения, а затем на полосу встречного движения, а затем на встречную по ходу движения обочину, где совершил столкновение с автомобилем ВАЗ-2121 (Нива). В результате данного дорожно-транспортного происшествия пассажиру автомобиля «Рено Флюенс» («RENAULT FIUENCE») были причинены повреждения, от которых он скончался.

При установлении причинной связи между деянием и последствиями во время совершения анализируемого преступления двумя или более субъектами, каждый из них привлекается к уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ.

Субъективная сторона, вследствие указания в диспозиции рассматриваемой статьи, выражена неосторожной формой вины. Действия лица, нарушившего правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств и умышленно причинившего указанные в статье последствия, квалифицируются по соответствующим статьям, предусматривающим уголовную ответственность за преступления против жизни и здоровья.

Субъектом преступления является лицо, достигшее 16-летнего возраста, управляющее указанными в рассматриваемой статье видами транспорта, нарушившее правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств и причинившее соответствующие последствия. При этом не имеет значение, имело ли указанное лицо законное право на управление соответствующим видом транспорта.

Итак, обязательным условием привлечения лица к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное статьей 264 УК РФ, является установление факта управления указанным в статье видом транспорта. Однако здесь есть исключение. Поскольку Правила дорожного движения обязывают водителя не покидать свое место или оставлять транспортное средство, если им не приняты необходимые меры, исключающие самопроизвольное движение транспортного средства, то отступление от этих правил, приведшее к причинению вреда здоровью или жизни человека влекут уголовную ответственность по ст. 264 УК РФ. Кроме того субъектом преступления признается и лицо, обучающее вождению на учебном транспортном средстве с двойным управлением.

Квалифицированные составы рассматриваемого преступления предусматривают уголовную ответственность за совершение деяния, указанного в основном составе, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч.2), повлекшее по неосторожности смерть человека (ч.3), совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч.4), повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц (ч.5), совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц (ч.6).

Полагаем, что в рамках рассматриваемой статьи необходимо остановиться на понятии опьянения как квалифицирующем признаке, относящемся к характеристике субъекта преступления.

Примечание 2 к ст. 264 УК РФ раскрывает содержание понятия лица, находящегося в состоянии опьянения. Установление факта употребления указанных в нем веществ определяется результатами освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и (или) медицинского освидетельствования, химико-токсикологических исследований либо по результатам судебной экспертизы.

При этом, согласно букве закона, лицо признается лицом, находящимся в состоянии опьянения и в том случае, если он отказался от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Несовершенство закона в рассматриваемой области заключается в том, что если водитель скрылся с места происшествия, то признание его находящимся в состоянии опьянения будет только в том случае, если на момент его задержания сохранилась возможность проведения освидетельствования.

Глава 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» является единственной его главой, которая сосредотачивает в себе преступления, в которых состояние опьянение обязательно признается отягчающим обстоятельством.

Так согласно статье 23 УК РФ лицо совершившее преступление в состоянии опьянения подлежит к уголовной ответственности на общих основаниях, то есть состояние опьянение не признается не смягчающим не отягчающим признаком. При этом, согласно ч.1.1 статьи 63 УК суд при наличии указанных в статье обстоятельств может признать совершение любого преступления в состоянии опьянения отягчающим обстоятельством. Из буквы закона в указанных случаях признание опьянения отягчающим обстоятельством является правом, а не обязанностью суда.

Криминализация состояния опьянения при совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, обуславливается распространенностью таких преступлений, особенностями предмета преступления, тяжестью последствий, увеличением числа таких деяний, влиянием состояния опьянения на поведение лиц при управлении и эксплуатации транспортных средств, что в общем влечет повышенную общественную опасность как самого лица, так и преступления, которое он совершает в состоянии опьянения.

1. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 24.03.2017) «О Правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и правительства РФ 1993. № 47. Ст. 4531.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 22 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения"» // Российская газета. 2016. 1 июня.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. 2008. 26 декабря.
4. Приговор Кимовского городского суда Тульской области по делу № 1-77/2016 от 27 октября 2016 года URL: <https://rospravosudie.com/law> (дата обращения 13.03.2017).

Шайрян Г.П.

Священность царской власти российского монарха как правовая категория

*Межрегиональная коллегия адвокатов города Москвы
Россия, Москва*

doi:10.18411/spc-20-06-2017-10

idsp: 000001:spc-20-06-2017-10

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы связи верховной власти российского монарха с ее каноническими основами. Раскрывается механизм ее легитимации и исключительности правового статуса правящего государя.

Ключевые слова: власть, российский монарх, правовой статус.

Abstract

The article discusses the relationship between the supreme authority of the Russian monarch and its canonical foundations. The mechanism of its legitimization and exclusiveness of the legal status of the ruling emperor is disclosed.

Key words: power, Russian monarch, legal status.

Целостное знание о таком правовом явлении как царская власть российского монарха невозможно без обращения к ее свойствам. Одним из них является священность. В исследованиях юристов, как дореволюционного времени, так и последующих периодов истории отечественного государства вплоть до сегодняшнего дня, этому свойству царской власти русских государей должного внимания не уделялось. Сначала это происходило по той причине, что связь между церковными канонами как основой формирования законодательных норм, не вызывала сомнений. Суждения на эту тему в научной литературе Московского государства всегда были однозначны. Православная вера, освещавшая личность монарха и его власть, считалась важным основополагающим началом при установлении норм государственного права. Она легитимировала государственный закон, подкрепляя его диспозицию религиозной санкцией, или наоборот, не поддерживала его, если он расходился с каноническими основами христианства. С этой точки зрения, священность царской власти российского правителя воспринималась русским средневековым правосознанием в качестве ее неотъемлемого свойства, характеризующего ее правовую природу особым образом.

После войны 1812 г., в 20-30-х годах XIX в., под влиянием проникших в российскую юридическую науку западноевропейских взглядов, положение поменялось. На фоне того, что верховная власть, как пишет Е.В. Сергеева, – в лице русских монархов сохраняла православное мирозерцание, часть дворянства и всего образованного общества «становилось все более и более либеральным на протяжении всего XVIII, и особенно XIX и начала XX вв.» [1, с. 10]. Начавшийся процесс политической либерализации юридической науки, сопровождался активной секуляризацией взглядов ряда исследователей русского государственного права. В конце концов, часть из них пришла к полному отказу от общепринятых ранее представлений о священности как о неотъемлемом свойстве верховной власти великих князей и царствующих монархов, которое имело существенное значение для формирования законодательных норм государственного права.

В наибольшей степени эта позиция была характерна для тех, кто примыкал к лагерю убежденных конституционалистов, не считавших возможным использовать в российском законодательстве нормы, которые бы относили источник власти государя к Божественному установлению, а его особу считали священной. Как писал по этому поводу один из них – Н.И. Лазаревский, выражая мнения его единомышленников относительно нормы ст. 4 ОГЗ 1906 г. («...сам Бог повелевает»), «Это выражение не имеет юридического содержания» [2, с. 279]. Занимая открытую или завуалированную атеистическую позицию, сторонники конституционализма отказывали в наличии установленной законом связи между христианским учением о царской власти и действовавшим на тот период времени законодательством, регулировавшим государственную жизнь. Таким образом, заведомо отрицалось то очевидное обстоятельство, что законодательные нормы, регулировавшие права и прерогативы царствующего монарха, складывались не только под влиянием исторических условий и связанного с ними правового опыта, но были также обусловлены церковными канонами и учением православной веры. Лишь П.Е. Казанский, справедливо ссылаясь на ст.ст. 4, 10 ОГЗ 1906 г., обратил внимание на необходимость исследования такого свойства как неограниченность императорской власти, частью учения о которой, по его мнению, должно было стать рассмотрение ее священного характера. Сравнивая разные редакции ОГЗ, он сетовал на то, что название первого раздела ОГЗ 1832 г., где указывалось на священность прав и преимуществ верховной самодержавной власти, стал называться по-другому, хотя «все статьи, придававшие власти Государя

Императора священный характер, остались, и в глазах русского народа она по-прежнему священна...» [3, с. 468].

Советские ученые этого вопроса не касались по политическим причинам. Многообразие современных теорий власти [4, с. 210], в том числе касающихся власти государственной, обычно, не отделяют ее от власти царской. Исключение из научного оборота специальных исследований на эту тему привело к утрате полноценного понимания установленного действовавшим в Российской империи законодательством существа царской власти как власти верховной, неограниченной и самодержавной, опиравшейся на единство заложенного в ней канонического и правового смысла, источником которой закон признавал Божественное установление, а особу царствующего монарха священной [5, с.1].

Нельзя не признать, что по сравнению с другими свойствами, характеризующими правовую природу царской власти российского монарха, священность стоит несколько особняком. Это свойство занимает особое место между религией и правом. Принадлежит и тому и другому, оно обуславливало формирование многих законодательных норм и легитимировало содержание тех из них, которые полагали пределы прав и преимуществ царствовавшего государя. Священность царской власти придавала правовому статусу российского монарха исключительность статуса государственно-канонического. Он мог принадлежать только лицу, которое в силу закона было Главой Церкви и одновременно обладало царским достоинством, не зависимым от того господствовало ли оно фактически или не господствовало. Право царя на господство не исчезало вместе с утратой возможности царствовать. Обладатель священной верховной власти, как пишет В.Н. Лосский, оставался царем «даже тогда, когда всходит на плаху, чтобы быть убитым своими подданными» [6, с. 210].

Столь необычный правовой статус царствовавшего российского монарха, при юридической невозможности его отречения от воспринятого престола, предполагал, во-первых, что лицо им обладавшее, сохраняло свойство священности его власти вплоть до смерти государя. Во-вторых, – располагало верховной властью, которая распространялась на все виды власти: власть законодательную, управления, суда, Главы Церкви и династии с соответствующими правами и преимуществами, объединенными законом и каноном в единое религиозно-правовое пространство. По отношению к другим свойствам царской власти – юридической неограниченности, царскому верховенству и самодержавию – священность в наибольшей степени способствовала укреплению тесного единства ее правового и религиозного начала, формируя, тем самым, правовую природу царской власти российского монарха «исключительного достоинства и высоты, – как писал А.И. Введенский, сравнивая ее со всеми другими властями, – как власти Богоустановленной» [7, 136].

1. Политические процессы и практика монархической государственности в России : автореферат дис. ... кандидата философских наук. М.: Институт молодежи, 2000.
2. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. Изд. 3-е.СПб., 1913.
3. Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. 2007.
4. Кокорхоева Д.С. Современные исследования институтов политической власти (сравнительный анализ теорий)//Научные ведомости. № 7, 2010, Вып.14 .
5. Основные государственные законы1906 // Сборник законов Российской империи.1912.. Ст. 4.
6. Лосский В. Н. Господство и царство (Эсхатологический этюд)//Богословские труды. Сб. № 8. М.: Издание Московской патриархии, 1972.
7. Цит. по: Фомин С. В. Россия перед вторым пришествием. М.: Адрес-Пресс, 2004.

LJOURNAL.RU

Научное издание

**Научный диалог:
Юриспруденция**

Сборник научных трудов, по материалам
VI международной научно-практической конференции
20 июня 2017 г.

SPLN 001-000001-0157-JP

Подписано в печать 25.06.2017. Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.2,53
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович